

СМЕНА

1927
№
9

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ЧИТАТЕЛИ О „ЦЕНЕ ДЕВУШКИ“

От реакции. Ниже мы помещаем отклики, полученные редакцией на очерк В. Кетинской (см. «Цена № 6»).

О ТРЕХ ДЕВУШКАХ

Много внимания юношеская печать уделяет вопросу, затрагнутому тов. Кетинской,—о девушках города. Но как-то случается так, что девушки из рабочих поселков в этих обсуждениях остаются в тени. А, между тем, их жизни и быт во многом отличаются от городского.

Хочу написать всего только о трех девушках, но по своим наблюдениям я знаю, что подобных им не один десяток в каждой комсомольской организации. Этим, думаю, я дополню серию типов, охваченных в очерке Кетинской, и уточню отношение к ним.

Вот эти «прованциальные» девушки.

Первая—это девушка-работница. С ней я столкнулся по работе в коллективе. Она была членом бюро цеховой ячейки. Как она работала? Как исполнила данную нагрузку? Очень плохо. Никуда негодна. И не потому, что ей давали неинтересную работу, которую она не в силах была выполнять. Нет. Ей дали ту работу, на которую она сама согласилась. И ничего из ее трудов не вышло.

Может быть, меня за такое суждение о девушке как следует отругают, но факт остается фактом. Верно бы и ошибочно было идеализировать такую девушку. А она не она, их много.

Не буду отрицать того, что здесь нужно еще поработать с девушками; что у девушек из рабочего поселка есть ряд веских причин их неработоспособности. Это то, что девушки работают с мерной оравой и у девушек низка заработная плата, девушка зачастую неграмотна. В этом случае приходится «драться» уже не за ту или иную девушку, а за общие условия—экономические, правовые и т. п. Наша задача—не «выдвигать» то бы что ни стало такую девушку, а устранить ненормальные условия ее жизни. Быстрое выпякивание такой девушки как для нас, так и для нее чаще бывает вредно. Тут же приходится отметить, что такие «малосильные» ее девушки, как общее явление, бывают ком. союзники только до замужества. Выйдя за беспартийного парня, девушка кончает свою «политическую» деятельность. Возврата в комсомол ей уже нет.

Это о производственной ячейке. А вот о сельской.

Здесь о девушке—Вере—секретаре одной из ячеек. Она руководит неидеальной ячейкой. Она явно бюро райкома. Как ни странно, а она выдвинулась быстро, как производственный не выдвигают. Руководит работой она незаметно и кропотливо. Совершенно обходит с опытными товарищами не поддающиеся ей вопросы.

Ячейка работала и росла (раньше, когда был секретарем парень, ячейка выросла лишь на одного человека). Но вот Вера замужем. У Веры уже есть ребенок, и она сумела спаять так, что он ее не сваял. Она уже «ушла» за свое место в комсомольских рядах, за свою работу.

Она сумела отстоять свое место в домашнем быту, но в ячейке... и ячейке активу приспосуд, что Вера надо лгать отдохнуть, что, коль она семейная, следует ее поменьше отвести от работы. Актив сам подобрался к семейной семье Веры. Теперь Вера, как активистка, у нас нет. Мы страдаем из-за недостатка актива, и в то же время его гоним от работы.

Вера глубоко обижена таким отношением к ней. Возможно, что она и совсем уйдет от нас. А за нее слезовато бы «драться» зубами.

Это был второй тип девушки. Ну, и третий. Это—Паня. Образованная, интеллигентная девушка. Затерята в рабочей поселок, будучи комсомолкой, принялась за работу. Она легко исполняет все обязанности, потому что она нигде не работает, а находится на издвигании родных, заблудивших к ее комсомольству; потому что она больше всех остальных училась; потому что Паня не здумает и у нее нет маленького ребенка; потому что Паня с утра до вечера свободна.

При такой обстановке нетрудно и выдвинуть, и Паня выдвигается. Она быстро поднялась до председателя и... вышла замуж за ответственного партработника. После уже не стало куда нужно и не нужно выдвигать. И не против ее выдвигания, но такие выдвигания больно отзывались на остальных. Паня в таких случаях бывает вредна, они убавляют инициативу у танка, как Вера.

За Паню «драться» я не буду.

И. Вакуров (Уральск. область).

ПОЧЕМУ МЫ ТОЛЬКО РАЗГОВАРИВАЕМ?

В очерке «Цена девушки» ясно помечена одна из распространяющихся причин выхода девушек из комсомола—замужество.

... Мы не пускаем, так как дома остается ребенок, комсомольской же работе, безусловно, приходится уделять много времени и т. д., и пр. Вот суждения, которые часто можно слышать от девушек после замужества.

Где же выход?

Мы часто говорим о новом быте, но реально новый быт привнес среди очень немногих партийцев и комсомольцев.

Почему нельзя жить коллективно? Если это трудно, если у нас еще крепко бытовая эгоизм, то есть и другой выход—расширить ячейку, куда комсомольцы уходил на общественную работу, могла бы отставка своего ребенка. Ведь она работает в комсомольской ячейке. Работает для общества стало бы, при горячем участии самих же девушек-комсомолок, а также и всей ячейки комсомола. партии жендетей, несомненно, можно было бы добиться осуществления этого, в сущности, простого дела.

Ведь если мы не сможем осуществить расширение ячеек в производственных и городских ячей-

ках, то что же можно тогда требовать от наших деревенских комсомолов? Их положение неравномерно труднее и круче станут семейными обязанностями.

П. Чернуш (Полтавск. окр.)

О МУЖЬЯХ

(В первой половине своего писемства. Татарники высказывают те же мысли, что и тов. Чернуш (см. выше), заставляя как создающим энергичным призывом к комсомольским организациям: «Комсомол должен бороться тогда, чтобы каждая комсомолька-мать могла своего ребенка в велик бы бойся, а для этого мы должны создать хороший кадр из матерей, кадр «троек», создающих за делом воспитания малышей».)

... Теперь о замужестве. Жалуются, что девушки, выйдя замуж, попадают всецело во власть мужа, и уже он является хозяином положения, главой семьи, он начинает (зачастую) поворачивать все стремления жены, переугаяя ее домашними работами, заботами, приговарывая ее к тому. С такими явлениями мы должны бороться и брать таких мужей в переплет, искореняя этот домостроительный взгляд. Мне скажут, что этим мы отучим полностью комсомолок, что от этого не следует, а таких ребят и девушек, которые смотрят на жизнь в старые очки, нам не нужно, ибо они только тормозят нас и создают «бескомсомольские» ситуации в комсомольской общественности. Скажете: да милость, почему не может бравак мужьям остаться на час—на два поскать с малюткой (пока мать на работе) или похлопотать по хозяйству за нее? Конечно, может. Но зачастую ребята этого не хотят делать, так как в них еще крепко сидит старая завкалка, что я, мол, мужчина, и мне как-то непристойно возиться по хозяйству да нянчиться. А без нее, мол, и так обойдутся. Так некая она дома сидит. Пора нам за это взяться серьезно и повести широкую кампанию, за улучшение быта семьи. Все вот эти факты (а их так много кругом) нам нужно извлекать.

Вот мои выводы: комсомол, отдавая девушкам предпочтение в организации, должен одновременно с этим направлять ее внимание на улучшение охраны материнства и младенчества, так как она больше стоит к этому. А наш брат, т. е. ребята, должны помогать в этом девушке, й камагого фордыбачающего и считающего своим правом навязывать на жену все заботы о ребенке и призывать привлекать к ответу, как виновника, тормозящего развитие нового быта и новых взглядов. Целесообразней всего устранить показательные процессы нам такими типами.

Я начинаю, и надеюсь, что огромный коллектив нашего союза откликнется практическими мероприятиями на это мое предложение.

В. Татарники (Оренбург)

СОДЕРЖАНИЕ: А. ПУНАЧАРСКАЯ—Десять книг за десять лет революции. С.Т. ЛИКОМ—Золотые мечты—1 доллар (расказ, первая с англ. П. ОХРИМЕНКО). Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ—Происс 4 х. Г. В.—Лето зовет. С. БЕЗВОРОДОВ—Психология спящего человека. Я и мой читатель—отчеты А. ЯАРОВА, М. КОЛОСОВА, М. СВЕТЛОВА, И. УТИКИНА, ПАНКРАТ БИЛЬ-ВЕЛ. Пана без чернушки или побывав в Сибирском перууде (пародия). С. ВИНЮГДСКАЯ—Единственные в мире. И. ПОГОДИН—День в «Правде». И. КУБЕЛОВ—Вечная капля литературы. И. ЛИН—Разговоры в полдень. Х. СОВАЛОВ—Молодая вода. Д. УДАРОВ—Научись читать карту. Читатели о «Цене девушки». Литературные новинки. Шахматы. Иллюстрации К. ЕЛИСЕЕВА, КУРЬМИНС, М. ХРАПКОВСКОГО и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

Отв. редактор И. Бобринин

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Чернышевский переулок, д. 3/4. Тел. 3-26-88

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четкой от руки на одной стороне листа

СМЛН

ВЪНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВООРУЖЕННОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИМ. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
6 мес. — 12 —	1 — 90 —
3 — 6 —	50 —
1 — 2 —	35 —
Отдельный №	10 —

Получить принимает Отдел Переводческих Изданий № 34, «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 4/4

№ 9

МАЙ

1927 г.

ДЕСЯТЬ КНИГ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

А. В. ЛУНАЧСКИЙ

и ним совершенно просто, без всяких стилистических претензий как это сделал Фурманов или с жаркими, добротным классическим языком, установленным в нашей лучшей литературе, что это сделал Серафимович. Это будет очень и очень хорошо.

Я не отрицаю однако, что новые темы требуют нового стиля: да, они именно требуют его, т. е. сами постепенно меняют этот стиль по своему росту и по роду переплюгивания их соков. И, конечно, изменение стиля ничего общего не будет иметь с тем заблуждением всяких выкрутасов, которое облекается неизменно в содержание и которое свойственно декадентской литературе.

Но если у Гладкова и встречается некоторое манерничество, то оно не преобладает над содержанием и не портит его. Сам же роман превосходен. Он является действительно полноценным выражением начального периода строительства и совершенно естественно, без мигуги, выражает в наших глазах и смысле этого замечательного времени.

Прочтите упомянутые мои книги и вы будете иметь перед собой как бы внутренний мир нашей революции.

Я присовокупил и этим, любимым моим книгам «Б а р у к о в» Лесина— вещь неуровню и несколько несовершенную, много вторичное, но необыкновенно новое по теме, свежее по изобразительным людям, а главное огромно обогащающее относительно своего богато описанного автора.

Хорошим обещанием была и «Неделя» Либелинского. Она не может быть не отмечена, как первое художественное произведение, проникнутое коммунистическим духом. Мы уверены, что тов. Либелинский выполнит те обещания, какие дал нам его «Неделя».

Наконец, я думаю, что из произведений Сейдфуллиной можно выбрать не одну превосходную книжечку, которая своим крепким языком, богатым натурализмом, меткой наблюдательностью, всегда достает верное, востряившее удовольствие любому читателю.

Остальные произведения я иду у наших поэтов. Здесь, мне кажется, было бы неправильным искать отдельные произведения. Многие из поэтов написали целый ряд хороших вещей и на ряду с ними, конечно, и более слабых. Нельзя сомневаться, что из Маяковского можно сделать очень хорошую революционную антологию. Такую же антологию можно было бы сделать из Третьякова (например, «Матерый рык» и «Асеева»). Не могу, однако, не отметить, что последние стихотворения Третьякова и Асеева (за исключением, пожалуй «Синих гусяров») кажутся мне отражающими ослабление линии их творчества.

Несмотря на всю молодость авторов, по одной книге, могущей занять безусловно место в перечне лучших произведений, можно было бы набрать и у Жарова, и Уткина, они растут. У Жарова лучшие произведения последнего времени. Это очень хороший признак.

С глубокой грустью констатирую, что почти все исключенные все, что в последнее время пишет Николай Тихонов, вызывает во мне только скорбное недоумение: не ни из ни одну минуту не отдаваясь от той радости, которую возбудил во мне его сборник «Б а р у к о в» и которую всегда вновь испытываю, когда беру в руки эту книгу.

Одним из шедевров нашей поэзии я считаю также замечательную поэму «Песня про Опанаса» Бягинаго.

Я никогда не думал о том, какие десять произведений за эти 10 лет являются наилучшими.

Я не ругаюсь, что если бы у меня было время очень внимательно все вспомнить и соотнести, я и назвал бы и другие произведения, кроме тех, которые называю сейчас.

Но мне тот факт, что они мне первые пришли в голову, когда я сиел и столу и захотел набросать список лучших Произведений, свидетельствует о том, что они провалили на меня впечатление глубоко прочное и положительное.

Вот эти произведения: «Железный поток» Серафимовича. Книгу эту я читал в дороге на Кавказ, а она меня целиком захватила. Я не мог ни на минуту оторваться от этого жуткого и героического влоса. Все здесь—картинность языка, стихийность настроения, глубокий коллективизм, выдержанность основной идеи, а рядом с этим замечательная объективность, и правдивость—вызывают это произведение в глазах ряда нашей революционной литературы, на какое место в нашей русской литературе вообще, а стало-быть и в мировой.

Нинго рода впечатление получил я от «Аланаева» Фурманова, и отчасти от его же «М и т е и а». Это, конечно, не беллетристика. Только временами Фурманов поддается до художественности в том смысле этого слова, т. е. до образности. В большинстве случаев он предостерегает перед нами, как мемуарист, орудуя часто лане документами. И, тем не менее, произведения Фурманова не только должны быть зачислены в художественную литературу, но имеют право на вполне место в ней,—и это потому, что все же главная ценность этих произведений, как они ни интересны по своему объективному содержанию, заключается в том прочном героическом чувстве, которое обито все излагается Фурмановым. Эта сложная, чрезвычайно интересная, более того,—почти гипнотическая поэма. Но это все-таки поэма. Вот здесь влито слово трех минутного, кристально-чистого беллетристического сердца.

Эти книги являются прекрасным памятником революционной эпохи, и полное время еще будут читать эти книги, находя в них полновинный отзвук той героической музыки чувства, которая звучала в первые годы революции, и которой, в смысле революционного опыта, нет равной.

Далее я, не колеблясь, называю «М е н т а» Гладкова. Я знаю недостатки этого романа. Ему очень повредила некоторая манерность изложения, которой Гладков как бы хотел доказать, что он виртуозно владеет нынешним, несколько вымученным стилем. Сам по себе этот стиль, который так неприятно «блуждает» не только у Пильняка, но и у десятка постоянно повторяемых имен современных беллетристов, есть этический стиль. Это разукрашивание фраз, эти домыслы доходящие выкрутасы, это желание словечка в протесте не сказать—все это есть только свидетельство слабости языка, который в классических формах не берет сравниться с великими предшественниками. Между тем наша время велико своими темами. Кто берется за эти темы, может даже походить

ЗОЛОТЫЕ МЕТЧЫ—1 ДОЛЛАР

Рисунка СТИФЕН ЛИКОК, перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО

(The Reading Club)

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Хотите посмотреть книгу, сударь? По-настоящему! Будете как доктор и сударь,—засмешливо встретил меня хозяин магазина.

Поглядя ruins, он направил на меня своего очка в роговой оправе свой острый взгляд.

— Вы так в утлу, у конца магазина, вы можете стоять интереснее вещи,—проговорил он.— У нас имеется целая серия новых изданий «Универсальной истории от Аристотеля до Артура Байбурна»—17 томов. Или, быть может, вы желаете посмотреть «Плантон почтовых писателей»—10 томов? Мистер Спарроу!—крикнул он,—покажите этому джентльмену наши новые издания классиков—«Диалоги Платона» или «Прочувствие произведения Джона Милтона» или «Человеческое разум»—Локка, или еще какую-нибудь вещь в том роде.

Он, несомненно, относился ко мне с презрением. Но в книжных магазинах считается признаком хорошего тона—иметь свои не профессорские, но хотя бы студента, стоящего где-нибудь в утлу и колющегося в старых изданиях. Настоящим покупателям это очень нравится.

И потому даже такой энергичный человек, как м-р Селлер, терпеливо относился к тому, что и тогда-то в утлу его магазина, а в благодарность этому имел возможность наблюдать его методы обращения с настоящими покупателями.

У меня вовсе не было намерения стоять в утлу и пасмурнать, подобно шимпанзе. Но, говоря правду, я сразу заинтересовался новым переводом книги «Нравственные рассуждения Эпиктета». Книга эта была очень остро изложена, довольно хорошо переложена и предлагалась покупателю всего за 18 центов. И меня вначале вполне сильное желание купить эту книгу, но потом и след боясь разумным раньше внимательно просмотреть ее.

На успел я еще прочесть первых трех глав, как уже внимание было отвлечено разговором, происходившим в магазине.

Вы уверены, что это его последний роман?

— Вы вполне уверены, что это его последние и й роман?—спросила м-ра Селлера как-то фамилиейная леди.

— О, да, сударыня!—уверил хозяин.— Это его последний роман. Должен сказать вам, что мы получили эти книги только вчера.

Говоря это, он указал рукой на огромную стопу книг в ведро расчищенных обложках. Я издали мог прочесть название книги, «Необычайное открытие золотых букашек», «Золотые метчы».

— Я очень рада,—сказала леди.—А то, знаете, иногда попадаешь враскал. На прошлой неделе я купила у вас две книги, которые мне очень понравились по виду, но, приняв домой, я обнаружила, что они были изданы целых шесть месяцев тому назад.

— Простите, пожалуйста, миссис Ресселер,—воскликнул хозяин инвентарным тоном,—это очень печальное происшествие! Будете любезны прислать нам эти книги, и мы вам их с удовольствием обменяем.

— Не беспокойтесь,—сказала леди.— Я, конечно, их не стала читать. Я отдала их своей горничной, та их прочтет и, нужно полагать, не заметит.

— Нужно полагать так,—согласился м-р Селлер, любезно улыбаясь.— Не дальше как вчера у нас произошло досадный случай. Один из наших старейших покупателей вышел к нам купить несколько мелких книг, чтобы взять их с собой в дальнее плавание. Он выбрал их, нужно

Самая сильная книга сезона!

полагать, просто по названию, как это иногда бывает с мужчинами—и между прочим выдал эти две книги, выгнанные еще в прошлом году. Мы немедленно телеграфировали ему на пароход, но божес, то было уже поздно.

— Ну, а эта вот?—спросила леди, делая перевертывающим страничку рекомендованной ей книги.—Как она? Хороша? О чем тут?

— Это чрезвычайно сильная и вещь,—сказал м-р Селлер.— Это, можно сказать, шедевр в е р. Критики утверждают, что это самая сильная книга этого сезона. Она имеет э-э...— тут м-р Селлер сделал паузу, и его манера почему-то напоминала мне мое собственную манеру, когда мне приходится обговаривать на экзаменах то, чего я сам не знаю.—Она имеет силу, так сказать—исключительную силу; можно даже сказать без преувеличения, что эта самая сильная и а книга этого месяца.

— А у вас этих книг большой запас, как я вижу,—сказала леди.

— О, да. Но они быстро будут распроданы. Эта книга, несомненно, вызовет сенсацию. Собственно говоря, в некоторых кругах даже поговаривают, что эту книгу нельзя было...

Концы фразы м-р Селлер прозвонил тоном тихим, иррациональным голозом, что я ничего не мог расслышать.

В самом деле!—воскликнула мисс Ресселер.—В таком случае я возьму ее. Нужно мне знать, что пишется в книге, о которой так много говорят.

Сидя уже начала застегивать перчатки и справлять свое боа из перика. Но вдруг она что-то вспомнила.

— Ах, чуть было не забыла!—спохватилась она.— Не будете ли вы так любезны отобрать что-нибудь для м-ра Ресселера и отослать на марш тире вместе с этой книгой? Вы ведь знаете, как много книг он любит,—не правда ли?

— Безусловно, мадам. М-р Ресселер обычно читает произведения о... о... Мне кажется, он покупает книги главным образом на тему о... о... о путешествиях и тоном подобное,—подсказала леди.

— Совершенно верно, сударыня. Я думаю, у нас вот здесь имеется то, что любит м-р Ресселер.

И-он указал на прилавок слева. Затем он начал перечислять ряды издаваемых книг, «Земельный кодекс в Сахаре»—один доллар; «Шесть месяцев в тельере»—шесть пятачков; «Путешествие на быках»—два тома, четыре пятачка; «Синька до».

— Мне кажется, он читал все это,—сказала мисс Ресселер.— Во всяком случае, у него очень много книг, похожих на эти.

— Возможно, возможно, сударыня. Но вот еще—«Среди любителей Корфу». Но мне, кажется,

эту он недавно купил! «Среди... э-э-э... Эту тоже, кажется, он купил, но эту уже, конечно, не имею. Это роман «Золотые метчы».

М-р Селлер протянул руку по направлению к стопе новых книг, которые были не меньше, чем романа «Золотые метчы».

— А книга довольно хороша,—заметила леди.— Совершенно верно, сударыня, очень хороша.— Он указал на эту стопу подвешенных кожан.— Видите ли, мисс Ресселер здесь ценятся иллюстрации—настоящие фотографии,—они быстро начинают перебивать книгу,—настоящие фотографии настоящих событий, взлеты аэпланов, и потом—бумага, обратите внимание на эту бумагу, сударыня. Должен вам сказать, сударыня, что одно издание этой книги стоит нам девять долларов и половина цента. Мы нечего на ней не зарабатываем. Но мы хотим угодить нашим клиентам.

Каждому покупателю, повинуемому, нужно знать все подробности технического производства книги и несомненно каждому покупателю, что издатель терпит убытки на книгах. Это, несомненно и мог вывести заключение, явилось высочайшей торжественной методой м-ра Селлера.

И потому вполне естественно, что мисс Ресселер купила «Среди обаяний», и спустя минуту м-р Селлер давал инструкции своему приказнику записать адрес мисс Ресселер, а также где-то на Пятую Авеню, а сам низко кланялся ей, прощаясь со всеми леди.

— С этой обаятельной книгой,—пробормотал он, обаяваясь к приказнику,—как видно, придется познакомиться.

Но у него не было времени для дальнейших рассуждений.

В магазине вошла другая леди.

По ее глубокому трауру и по заунывному выражению лица, даже не такой опытный человек, как м-р Селлер, мог заключить, что перед ним—сенсационная женщина.

— Что-нибудь новенькое по беллетристике?—спросила м-р Селлер.—Слушаю-э, сударыня. Вот счастливый случай!—«Золотые метчы»—он с любовью произнес название книги,—очень приятный роман, удивительно приятный; если вы угодно знать, сударыня, критики утверждают, что это—самое приятное произведение из всего, что вышло из-под пера м-ра Смеша.

— А вы уверены, что это хорошая книга?—спросила леди.

— Я начинаю убеждать, что все покупатели знают это вполне.

— Оригинальная книга!—воскликнул м-р Селлер.— Это любовный роман—простой и приятный, но удивительно очаровательный. Критики говорят, что это самая очаровательная книга этого месяца. Мол наша читала ее в утлу вчера вечером. Слезам мешали ей читать.

— Нужно полагать, в таком случае, что это вполне безвредная книга, не так ли?—спросила леди.— Я хочу похвалить ее своей чертой.

Совершенно безвредная, сударыня!—похвалился м-р Селлер и как-то отступившим тоном.— Собственно говоря, она написана в старом духе, как писали когда-то хорошие, порочные книги.

Всего купила книгу, которую эй завернули в блестящую желтую бумагу, и вышла из магазина.

— Хот ли у вас чего-нибудь для легкого чтения на время летнего отъезда?—спросила следующую.

Раньше 10 долларов, теперь 4!

Нам нужны такие, как Степанца! Это про нее ска- зал поэт: из нее бы гвозди бить... крепче могли бы гвозди бить...

И опять выступает за Дашу молодая женщина—с заводом им. Дзержинского.— Я не согласна! Пр-вокому, Даша современная, новая женщина... Она—тертый, общественный человек. Мы можем брать с нее пример... лишь иначе, должны быть у нас построены отношения к детям и к мужу. Нельзя так шаляться детьми—как это делает Даша. И не следует бешать от такого мужа, борца и общественного, как Глеб... Вириня,—тип незаконный, да за такой деревня и не пойдет... С Таян говорить не стоит... Может быть, она и хорошая девушка... Но она нам не пример...

Женщина покидает трибуну. Вслед ей гремит аплодисменты. Выступает представитель от клуба имени Баумана. Он докладывает, что Даша—хорошая общественница, но она не сумела ухватить свою работу с бытовой стороной человеческой жизни. Таян—живущая с 22-ми мужьями—его возмущает. Идеал женщины для него—Вириня.

Вслед за ним на трибуну появляется спокойная фигура работницы с МОГЭС. И речь ее—спокойная убедительная:

— Я не согласна со многими выступавшими здесь... Нам не столь важно то, что есть в современной женщине, изображенной в литературе... Важно другое: какие черты взять у изображенных женщин, чтобы воспитать в себе новую женщину... у женщины будущего?... Я так буду говорить: в Даше товарища Главова—много хорошего... и это хорошее нам надо взять... Но ее отношение к Глебу—неправильное и не нужно... За ребенка ее зря ругают... В то время, когда с ребенком не могла быть... И напрасно она покаялась в конце своей жалости к Нигрие... Тогда у матерей была не жалость к погибавшим детям, а ненависть к своим врагам: да гибель этих детей... У Таян Аристарховой нам нечего брать, товарищи... Таян вышла из гнилой кулацкой семьи... и сама осталась по коню гнилой... Для деревни новой женщины, несомненно, является Вириня Сефудуплина... Деревня много отбросит из Вирини... и тогда найдет у нее полезного... Теперь у матери—товарища Березовского... Что можно сказать о Степанце?..

Женщина на минуту останавливается, напряженно всматривается в зал и затем говорит решительно и с покоем.

Ее речь особенно подчеркивает пламенную любовь Степанцы не только к своим детям, но и к предвзвешенной и жгучей любви Советской страны.

Выступают еще несколько ораторов, по преимуществу—молодых рабочих и везущих. Они говорят, прибавляя, почти то же самое, что и предыдущие ораторы. Чувствуется, что всех их глубоко волнуют вопросы: нового быта, новой семьи, новой женщины, новых половых взаимоотношений. У всех возбужденно блестят глаза. Все жестикулирует. Со всех сторон разирают наши произведения. И все страстно ищет идеала женщины! Издала новую семью!..

Помойкой, вполнакалающей рабочий, выступая за рабочую молодежь, туповольно рубит слова:

— Я знаю своих ребят: давно присмотрелась к номосому и к студенту тоже... Наблюдая общественно... Знаю: есть среди них бадовство... Но то, что написано в книжке Малашкина—клевает, товарищи... Мы должны протестовать!..

Рабочего провожают бурей аплодисментов.

Женщина ее тихонько пробует взять под свою защиту Дашу—оплодилось... Но ее буквально после каждой фразы перебивают криками возмущения и не дают закончить речь, Полюбившая стекла пенсия она гордо бросает в зал:

— Даша не нуждается в вашем оправдании!.. И сходит с трибуны.

Еще пара ораторов. Преседелать объявляет перерыв.

IV

За кулисами меня окружает толпа молодежи. Жестикулируя наперебой, кричат каждый свое: — Ну, как же это, т. Березовский... Как можно ставить Дашу идеалом?

— Почему вы мало говорили о Степанце?

— А Юна с правой стороны—идеальная клевета на молодежь!.. А вы заходите Малашкина...

— Вы дали нам Степанцу... а резолюциюте брать пример с Дашин!.. Разясните...

— Мы не отрицаем, что среди наших ребят есть половая раснушенность... Но то, что про нас шпнут—это ложь!..

Ф. ГЛАДКОВ

П. СЕИФУДИНА

С. МАЛАШКИН

— Разясните нам: кто же из нас женщины—Степанца или Даша?... Как разрешить половой вопрос?..

Пробую разяснить:

— Товарищи! Вы не поили меня... Ведь я уже говорил, что на ближайший период я считаю идеалом женщины—Степанцу... Даша придет в отдаленном будущем... А может быть и совсем не поговорит больше... в том виде... Будет новая Даша!..

Меня снова перебивает восток голоса. Через плечи друг друга перебивают головы. Опять кричат—каждый о своем, говорят торжливо, страстно, стараюсь показать, что в идеале женщины должны быть соединены черты—искусности, матерности, товарища и общественного деятеля.

Смотрю в сторону Ф. В. Главова. Его также взяли в молчок. Оказался там не возбужденная толпа молодежи обоего пола.

Чувствую, что если бы была возможность, они не выпустили бы нас из этого тесного кольца до утра.

V

После перерыва закончилось еще несколько ораторов. К рабору наших книг, возмущения с разных сторон: разбирали с точки зрения идеологии, языка, силы изображения и т. д. Вспомнили соответствующие работы старых классовых журналистических статей, несколько высказали: «Без чернухи» и «Собачий переулоч», но говорили об этих книгах с характерной рабочей иронией. Порамяла довольно значительное количество рабочих аудитория. Это можно было наблюдать решительно во всех клубах. И еще порамяло одно обстоятельство: культурный рост рабочего и его умение разбираться в сложнейших критических проблемах. Очень много ораторы отмечали такие черты в особенности наших произведений, существования которых мы сами не похорошевали и не сумели бы открыть этих черточек «патентованный» критик.

Последним говорил Ф. В. Глаков. Популярно и интересно со мной всякой роль и образ Дашин, ее место в грандиозной войне, в семье, в обществе, ее значение—для настоящего и будущего.

VI

Время уже давно ушло далеко за полночь.

Мелкая олея

Слишком мигают редкие фонари.

Гулко, но лепко кажутся одинокие извозчики.

Загадочно смотрит со всех сторон крыши провалы окон в сонных многоэтажных домах.

А я все хожу по улицам, по садику...

Не могу отделиться от тех ощущений и мыслей, которые всегда вызывалось у меня этими глубоко-содержательными диспутами.

Какое странное и интересное явление!..

— Г. Рождество новый, массовый, многомиллионный мый, суровый, но поразительно чуждый и поразительно многогранный критик!

Когда и где это было? Есть ли кто-нибудь подобный в Европе? в Америке?

Припоминается лишь один случай—на всем протяжении человеческой истории: древняя Греция...

И то лишь нечто похожее...

А наша молодежь?

Как бы хотелось пригласить на эти диспуты всех спортивтиков и штуртов, обладающих гравью нашу советскую молодежь... Как хотелось бы показать нашу молодежь всем этим безудачным колудам и оракулам, преобладающим на ренках павлово-воинского и перемажовского на страницах белой эмигрантской прессы: границы, трюны, и котормы между лиц советской молодежи.

Знаю не хуже других: есть среди молодежи и гилья... Да, есть. Но много ли их? Что у них за худой?

— Кроме того, в среде рабочей молодежи есть ведь еще границе легд.

Сегодня я еще раз пристально взглянул в глаза этой молодежи.

Да, это все та самая молодежь, которая по призыву нашей партии беззаветно сползлась вместе с нами на абутовывавшиеся твердые Крошката, на гооруживший миром им имперализмом грабительный Пересон.

Это та самая молодежь, которая не будет опята за нашей партией. И опять беззаветно бросается на штурм новых твердынь: на завоевание новой пролетарской культуры, на завоевание нового социалистического общества.

ДЕНЬ В „ПРАВДЕ“

Н. Погодин

Верская 48 — вот где происходит «Правда»

Есть и еще одно обстоятельство в редакционной работе, которое также исключает корнуну, — это тщательный учет того, кто и обращается в газету, какие социальные слои и прослойки абонируют газету в качестве выразителя их настроений и чаяний. Это весьма важное обстоятельство. Учет рукописей «Правды» за последние время поставлен если не очень хорошо, то во всяком случае удовлетворительно. И в корнуну вырываются не рукописи, не заметки, а просто обаятельный редакционный мусор, который накапливается за день.

Толстой. Сосредоточен за работой над очерковым фельетоном

12 часов. Прошли секретари отлегов. Они приходят раньше других работников. До них уже пришли машинистки в свою комнату-беллад, где в течение 14—16 часов не прекращаются сумасшедший треск. Но в трех этажах «Правды» еще тихо и сумеречно. Электричество в коридорах не горит. Курьеры рядом с секретариатом возятся с огромной и, пожалуй, единственной в мире по своей величине тульской самоваром, который, безусловно, войдет в историю «Правды».

Самовар этот очень солиден. Его попарили рабочие «Правды» и он честно каждый день пьет чаем всю редакцию.

Прошурша во дворе автомобиль... Это, наверное, приехала либо из Горьк, либо из Кремля Мария Ильинична — бессменный секретарь «Правды». Когда она не загружена интернациональной работой, она очень рано приходит на работу и очень поздно уходит. Часто бывает так: отлегли кончили работу, завалившие одали последний материал, концы замкнули, уже около полу часов

Этот день начинается поздно и так же поздно кончается, так что вернее было бы назвать его как-то иначе, но как-я не знаю. Будем называть «днем» и начнем с самого «раннего» утра, т. е. с 11 часов, когда в «Правде» стоит гулкая тишина, когда в длинных ее коридорах в комнатах совсем безлюдно... Хотя не совсем — сейчас уборщицы вытряхивают из корнун несметное количество бумажек, обрывков газет, мутят, убирают беспорядочные реакционные столы... Да не волнует читатель, что в «Правде» по деловым редакционным обычаям неприятия рукописи употребляются в корнунх. Историческая редакционная корнунка ныне вообще не существует, либо корнунка, в том ее назначении, которое она имела в старых редакциях, в наше время не приемлема и, если хотите, даже контр-революционна. Редакция не может бросить рукописи в корнуну. Редакция обязана ответить автору, почему его рукопись не была принята к печати. И не только, ответить, но дать указания, как надо писать, чтобы его корреспонденция печаталась.

двою статью, которая должна скоро поступить... «Правда» — мировая газета. Секретариат «Правды» работает напряженно. И это вполне понятно. На секретариате лежит колоссальная ответственность ежедневно, ежедневно, не только за обработку рукописей «Правды», но за каждую заметку, за каждую строку.

Мы, молодые работники «Правды», часто удивляемся, как выдерживает этот человек. Сама по себе работа непосильна. Мы сами фельетны и требуем, чтобы он был прочитан как можно скорее... сегодня же... того же самого требуют сотни авторов центри и мест, каждая доказывает, что его статья — очень важная статья, и если она не будет напечатана, то... то чорт знает что может произойти... непременно катастрофа какая-то... Хотя иные статьи не печатают и никаких катастроф не происходят... Но читать нужно

ночи, а секретариат еще работает. Мария Ильинична в редакции... Трещит телефон. Загудели колокольчики. Нароминило о достоверности каких-то сообщений. Ждут пере-

ВВЕРХУ — К упру машины выбрест колумиллионный пираж «Правды», СПЕВА — Тол. Нолмо, ВНИЗУ — Пономов, в титлографин уже верстают страници, ВНИЗУ СПЕВА — Редактор и секретарь: Н. И. Бухарин и Марья Ильинична

и очень много. Читать нужно то, что идет в газету, нужно читать тетрадьный отлеги и внешнюю информацию, очерк о Китае и корреспонденцию из Иваново-Вознесенска, заметки работников и сотрудников и статью о Деметре, — все нужно читать и тщательно, алчливо следить, чтобы автор не допустил лягуся, ошибку, грубости, резкости, пергига талин, нужно помнить при чтении каждой заметки линию партии, постановления с леном, нужно помнить о границах чглаза.

Но это только о том, что пойдет в газету. А сколько прочтывает секретариат такого материала, который не пойдет, который не пригонит!

Но где «Правда» уже началась... В комнатах по обеим сторонам коридора шумно, Грохот звонки. Мчатся курьеры. Уже репортеры диктуют Савинки материал. Из секретариата а да юта

СПЕВА — Сейчас «Правда» поступит в почтамы, вокзалы, киоски и разоидет по всему СССР. В СЕРЕДИНЕ — ИЗ ПРОШЛОГО «ПРАВДЫ». Так распорядился «новолыная» «Правда». СПЕВА — За свежим номером «Правды»

ЛЕТ В ДВЕ

маршруты по Северо-западу СССР

Г. В.

утренние, исчерпанные статьи и заметки. Прокрожит в секретариат заучивающий и милейший Евгений Федорович... Где-то слышится густой рыкавший бас Демьяна Белого... Мыслен являюсь Кольцов в своих больших роговых очках. Момент он уже обдумывает схему организации экспедиции и в ответ диктует его прямо на машинку, может... видите ли, теория верна и, наконец, Колосов строит каменную до хитрых планов, насчет какого-нибудь самолета, если не через Черное море в Англию, так еще куда-нибудь.

— Пишите фелетоны и не нужно летать, потому что можно разбиться.

Вот движется Зорич на своих костылях. Он обычно задувает и для тех, кто не знает его, неприкосновенно-важен. Он движется из своего «Бюро исследований» урудушкин, казенные-неприкосновенного, с точкой зрения на деления. Тут вечная очередь просителей, малабасков, обманчивых трубаун и бюрократизма... Тут можно было писать и больше рассказывать. Запрещая, твубя, укавыва.

«Бюро исследований» в «Правде», шути, называют угловым рыскавом, и это в некоторой степени не лишне правдоподобно.

Соосновский... Он редко бывает в редакции. Ему приходится —прогресс, как и Кольцову—иметь секретаря, или самому проводить прием просителей, пропускать посетителей, совершенно невозможное. Такие невозможности можно читать, письма, которых получается на его имя не менее тысячи в месяц. Третьяк пишет в день. Присылает целые пакеты, дела, письма, деловые и казенные обращения... Тут требуется помощь людей. Запасены карточки, регистратура, отбор писем, прием посетителей.

Редакционный день в разгаре. Если Дени ходит по коридору со своей палитрой, значит в разгаре, значит он успеет нарисовать, сдать теперь по праву отмазает.

Но вот обнаруживается некоторое волнение на третьем этаже. Два степла могут вызвать это волнение. Лиско—Иностранкин, много журнал «Габельгор». Либо что очень важное произошло на рубежом, либо—испытание в разгаре корковой армии. Петеря. Убитство.

Тогда стюартирки бегают в секретариат... Впрочем, давайте пропустить наш день в «Правде». Уже 5 часов. Сейчас небольшой перерыв. Только нужно победить. Пришла вторая смена машинистки. Пришли на работу кадрированные машинистки, готовая работающие в «Правде». На четвертом этаже уже открыта телефонная приемочная станция. Там докурят стенографистки у аппаратов. Там начинается прием акустической информации из Ленинграда, с Украины, Иваново-Вознесенска, Нижнего... Вызну на третьем, в комнате где дежурит огромный самовар «Правды», твубя аппарат «Кавишник», принимающий информацию ТАСС. Работа этого аппарата заключается в том, что он одновременно перепечатывает в редакции то, что печатает машинистка в управлении ТАСС.

Основная работа газеты продолжается вечером. Перед вечером собирается набор мюкомодела информация, вечером получается и сдается информация из СССР и вечером одаются иностранные телеграммы. И вот вечером прибывает в редакцию посылка снов притрива и владимир повалева-евские статьи Николай Иванович Бухарин, обычно забавляющий купить спички или папиросы, бегающий прикурить, всегда бормочет, веселый, неизменно остроумный.

Чаше бегает по коридорам Мария Ильинична. Ивненько бегает, гориточес. Она больше ходит сама в отделе и меньше выкладывает к себе. Она намедне зачеркнула или перевернула слово согласовавшее с тем сотрудником, который до нее выпрыгивал материал, и читает, читает...

Полночь... Второй час. В секретариате еще не закончена работа. Грешат телефоны. И в бою, через двор до прохода, когда в редакции затрясывается новый день, новое напряжение.

В типографии уже верстают страницы выпускающего. Часы к пяти утра «Правда» начнет печататься. Не боится, чем полуденный тириак закончит печатание в том времени, когда в редакции начнется новый день, новое напряжение.

И так вот из дня в день, из года в год работает «Правда»... Впрочем не так, в гораздо сложнее, глубже, шире. Но всего, конечно, не рассказывать в белых заборах.

Природа Северо-западной области представляет большой интерес для туриста. Летом из пыльных горюшек лучше привлекать к себе не только солнце, но и вода. Северо-западная область имеет прекрасную водную систему, состоящую из 50 вод. В одной Новгородской губернии есть около тысячи озер.

Обильно озер и является наиболее отличительной особенностью области. Если не считать озера Белого озера, лежащего в южной части области, то в Северо-западной области, в части ее, соединенной с Ленинградской областью, существуют следующие озера: Онежское, Ильмень, и в районе Пскова (в южной части этого озера так и называется Псковским); О. Ильдичье— в районе Пскова; впадающее в Бароце Левожское озеро— в районе Ленинграда и, наконец, Онежское озеро— в районе Карелии.

Западная половина Чудского озера относится к Стоники и Северо-западной половине Ладожского— к Финляндии. Однако, плути, соединяющие Ладожское озеро с Балтийским морем (к западу), с озером Ильмень (к югу), и с Онежским (к Северо-востоку) находится на территории СССР.

Особую привлекательность для туриста составляет Северо-западная область—область лесов. Из всей площади удобной земли—85 процентов приходится на леса.

Интересна область и геологическим отношением. Если до поездки в Северо-западную область, почитать что-нибудь из геологии о ледниковом периоде, поговорить с крестьянами, а то и просто взглянуть в учебник географии, тогда во время путешествия турист сможет по всем этим валунам, озерам, скалам, словно по иллюстрированной книге, проследить оную из странности истории Земли в последние ледниковые периоды.

Минеральных богатств в области немного. Правда, есть так-называемая болотная нефтяная гудася, а также в Фосии, заросшая железобактериальная промышленность. Но уже 200 лет назад железными центром стал Урал, тогда Украина, и болотные русы о-зав, болотные утратили свое значение. Северо-западная область имеет богатые залежи, но эти залежи опять-таки не могут соперничать с другими районами СССР. Большое значение имеют торф, кварцит (на котором ведется преимущественно урановая и магнетитовая).

Серьезное значение имеют лес. Однако, и лесное дело находится большей частью в руках кулаков (рубка, сплав, самокручение, производство смолы, донец, донец и т. п.). Крупно-промышленная эксплуатация леса развита еще слабо.

Но главнейшим богатством области является вода. Почва здесь каменистая и неровная, диок поросистые; это неудобно для сельскохозяйства, зато создает бурные и порывчатые течения, которые таят в себе огромную энергию. Из воды родится электричество.

Электричество и есть будущее нашего Северо-запада. Финляндская станция—наша первая электростанция. Намечены три другие станции на реке Свири, на Неве, Суле и др. В Карелии намечено в 5 лет построить до тридцати небольших электростанций, преимущественно для обслуживания лесной промышленности. Часть Северо-западных электростанций рассчитана на отопление торфом, часть—на использование водной энергии. И в этом отношении Северо-западная область имеет в виду до 250 тыс. тонн (15 млн. пудов) бумажной массы.

Кроме того, довольно значительно развито стекольное и силикатное производство (Новгородская стекольная промышленность, часть стекольного (кустаря). Большое значение имеет рыбная ловля (лещ, лосось) и охота (белки, лисы, медведь, гладырь, рыбак и т. д.).

И между прочим, на Ладожском озере и приладожских реках турист увидит интересные самодельные лодки—«соймы», отличающиеся заостренными носом и кормой и высоким бортом.

Турист не может пройти мимо о шестиэтажного о-заворитского завода железосоединения, на край. В истории с-зав, области есть много примечательного. Вызвать хотя бы Новгород—когда-то «Новгород Великий», соперник московских князей и Литвы. Завоев был воздвигнут из центра русского торгового капитала. От Новгорода пролегла война плути, соединявшие Балтийское море с Кавказским, т. е. Европой с Азией, а также Балтийское море с Черным морем. Осваивались германские страны—с Византией; это и был великий торговый путь, который звали путем из варяг в греки.

Наконец, все пути Северо-западной области сходятся в одном центре, в уловом пункте военных и железных путей—в Ленинграде. Военное путешествие по с-зав, области можно быть начато в Ленинграде или завершено.

Что касается маршрутов по Северо-западной области, то они целиком определяются наличием водных путей сообщения. Озера, плути реки, впадения в озеро или впадающие на него, притоки водных и рядом соединяющие собой даже или несколько озер; в итоге получается широчайшая сеть, чрезвычайно удобная для путешествия. Туристу, желающему путешествовать по Северо-западной области, надо изучить карты. Лучше всего взять десятишестую—плути ММ № 27, 39, 40, 41, 42. Надо только учесть, что карты эти старые—там нет новых названий, новых государственных границ и что там счет идет на версты.

Уже беглое ознакомление с картой показывает туристу следующие особенности. Прежде всего, озеро в глаза бросаются водные пространства трех озер: Ильмень, Ладожское, Онежское. Затем крупнейшие реки: Волхов, Невга, Свири, Горонга. Из городов, Ленинград, Петрозаводск.

Все эти пункты соединены между собой непрерывным водным путем. Турист, конечно, как следует воспользоваться этим сообщением.

Идем здесь несколько вариантов путешествия по этим рекам и озерам.

Можно начать путешествие от Старой Руссы (184 километра по воде от Пскова, 266—от Ленинграда) до озера Судо—судла. Это расстояние—один из немногих серьезных курортов (ислеленные источники и грязи). Отсюда можно ехать на лодке или пароходом—по реке Полисты, Ильмень-озеру, реке Волхов до Волховской гидроэлектростанции (около 250 километров), с основной в Новгороде; этот старинный город стоит, конечно, осмотреть.

Потрясающие виды видны с озера Волховской станции, можно поехать от станции Званка, находящейся в нескольких км от Волховской, проехать до ст. Кивач (70 километров за Петропавловском, столицей Карелии, и 358 км от Званки).

Отсюда—пешком по Карелии, сколько хватит времени. Недалеко от ст. Кивач (километров 30)—на реке Судо—судла. Кивач—Побережье—окрестных местах—большое число еловых—можно на обратном пути пройти к берегу Онежского озера, в Кюдопогогу (около 50 км от Кивача).

В Карелии турист сможет много узнать интересного прои и сказаний. Между прочим, как раз из карельского народного творчества сложилась финская балладная поэзия (так называемая «Калевала»). Из Карелии можно проехать в Петрозаводск (несколько часов сады) и оттуда парохом в Ленинград (552 км, луже суток).

Этот последний отрезок путешествия представляется наиболее интересным, так как представляет значительную часть Онежского озера, всю Свири, Ладожское озеро, всю Невгу. Можно сделать остановку в Шаньсе в 67 км от Ленинграда, на островце в Невге, впадающей в Онежское озеро—остатки старой крепости-тепраны.

Если из Ст. Руссы ехать пароходом, то все передвижение займет около 4 суток—4 суток. Стоимость всех передвижений—рублей 200.

Можно окрестить путешествие, отбросив Ильмень. Например, начать путь в Званку (124 км от Ленинграда, 474—до Петропавловска, 641—до Мокшана). Званку мы указываем потому, что было бы досадно не посетить Волховской станции. Но, конечно, можно прямо из Ленинграда проехать поездам или пароходом до Петрозаводска или

Маршруты по северо-западу СССР

Кивача и вернуться обратно тем же путем. Такой переход обходится рублей в 12—15—20 (надо учесть, что пароходные тарифы дешевле).

Если же у товарищей есть возможность потратить на спуск больше денег, то можно обратиться к озерам северо-запада более сложным путем. Например: по Мариинской водной системе (соединяющей Волгу с Балтийским морем), из Рыбинска или Череповца по р. Шекне, Белоозерскому каналу, р. Ковже, Ново-Мариинскому каналу, р. Вытегре, Онежскому каналу, до Вознесенья на берегу Онежского озера, у истоков Свири. Отсюда можно ехать либо на север по Онежскому озеру, либо по Свири, Ладожскому озеру и т. д.

Из Москвы можно также поехать до Селижарова (358 км по ж. д. через Лихославль Онтюбрьской ж. д.). Столода—частью пешком, частью на лодке или пароходом—около 300 километров до ст. Валдай, при чем дорога пролегает по очень интересным местам: верховья Волги, большое озеро Селигери др. От Валдая—122 километра по ж. д. до Ст. Руусы и т. д.

Но, конечно, туристскими центрами северо-западной области надо считать: Ладожское и Онежское озера с примыкающими к ним реками; Карелию, Волховскую станцию, Ленинград с Балтийским морем.

Что же касается Мурманского побережья и примыкающих к нему местностей (Хибинские

горы др.), то, хотя они и входят в северо-зап. область, но по своему самостоятельному значению заслуживают особого очерка.

Озера и реки нашего северо-запада во многих отношениях доступнее Кавказа, Крыма и т. п.—особенно для живущих в центральной, северной и северо-западной районах европейской части СССР. А путешествие здесь ничуть не менее интересно, чем по «продолженным» местам. Товарищам-туристам надо как следует подумать о северо-западном угле нашей страны.

СИНИЦА И СПЯЩЕГО СЛОНА

О ДЕТСКОЙ КНИГЕ

Очерк С. ФЕВЕРОВОДА

Онень гадальничий кривост, бежачи охотничий, револуцион, как бежали сотни побороны ему интеллигент, умерший в Праге в сумраке безграмотных эмгратских дней — Аркадий Аверчич, когда-то охвачен, в своих письмах рас-сказах (кстати сказать, не переизданных Гизоматов) писал, что «легче ребенку понять психологию и спящего слона, чем на м, взрослым, психоло-гии ребенка».

В бышном потом револуционнык дней м еше не выбрали времени для изучения психологии спящего слона. Не пожелало реб-енца мн познать психологию.

Не всегда удачно, не всегда плодотворно, но пытались.

... Был московский вечер, когда мягко и печально такт пухлее с ровной каменной облака, когда над острыми баунами кремлевскими сучьями с тобилюм криком, каменным ветром, мучили бедничий черные галии. Сидим слоном, в обыкновенной военной вешер е силе летской биче-рости и бесовской с худ-м, частотным библиоте-карем, незримо и упорно трудничая над загадкой психологии ребенка.

— Скажите мна, что читают дети? Какую книжку они спрашивают?

Библиотекарь ответил спокойно и просто.

— Дети такой сложной и интересной н арод, что рассказывать о них очень трудно. По-сидите сами, увидите.

В окна струил-ся спокойный, за-халустный вечер.

Где-то далеко, далеко звонили ко всеобщей. Полки и шкафы задумчиво глядели в большие млытые око и о чем-то думали.

Антон Кречет

Первым пришел в библиотеку мальчик. Такой маленьким, с аккуратно завернутой в газету книжничей помашикой. Мальчик деловито подо-шел к стойке, поклонился на нее свою книжку и сказал: — вот! Потом посмотрел в око и добавил: «А татары есть у вас? А то нам за-чем сдаться?».

Получив татар, мальчик ушел. Незаметно, и никто сразу, библиотека наполнилась. Девочка четырнадцати лет, довер-чиво и глупая в глаза библиотекаря, говорила про-сто и убедительно:

— Я хотела бы чтонибудь криво-вае, про вавилоня. Организо-ваем кружок. Сидим, рассказываем друг другу красивые рассказы. Ну, и больше ничего.

— Вот нетли у вас книжки про море?

— Итальян, «Море» — чуть видно, как-то вну-тренне улыбаясь спросил библиотекарь.

— Не знаю. Про море.

Из открытой фаланги книг выхватывается она, дающая секунду на формуляр, две минуты на беседу и девочка, завернув книжку в клеенку, уходит.

— Дайте про обезьян. Про обезьян вообще интересно, потому что они всегда балуют, они без дела никогда не сидят.

Мальш в пуховом платке, вместо шапки, погнавшись на штычки и судорожно всплывшись в край стойки повторяет, стараясь переключить остальных:

— Есть у вас о шаризме? О шаризме есть? — и, не будучи услышан, отпущает пальцы и исчезает за стойкой, из-за которой теперь видно только его макушка, обмотанная пуховым платком. Через некоторое время, очевидно, обравшись с силами, он снова появляется над стойкой — о шаризме 1905 и 1914 года у вас есть, мн очинение надо писать, — настойчиво выкрикивает он.

Попадаль собралась группа, человек в пять. Плетно сплосшившись головами, горячо беседуют о чем-то. Потом один отлекаясь, похлопает и говорит:

— У вас Антон Кречет есть?

— Нет, Кречета нет.

Ну, так и про рабочничков, — влохнух уступил мальчик. — Тогда про рабочничков дайте.

Про рабочничков спрашивают много. Всяким интересуются и жилинам. Вообще страшной манер у маленького читателя в почете. Часто слышатся такие требования — про драку, про бандитов (мальчик 12 лет) — про жуликов (мальчик 9 лет).

Антон Кречета спрашивал 11-летний, читать про море хотела девочка 13 лет.

— Есть у вас Северный Ледо-вичий океан? — ваши спросил 6-летний мальчик. Библиотекарь заинтересовался, зачем мальчунку могло понадобиться такое громадное окупание воды.

— А тебе для чего?

— Там, спокойно ответил мальчик, по-смотрим, что там там делается.

Довольно резко вымостились вымостились интере-сы девочек, отличные от мальчишеских. Здесь уже нет ни рабочничков, ни Антона Кречета, ни жуликов — элемент энциклопедичный, малопитательный, здесь преобладает над удачно питательных абстрактной и отчаянной рубкой рабочнических шаек.

Спрос девочек более туманный, более обшир-ный. Очевидно девочек меньше говорят между собой о книгах, чем мальчики, меньше осуждают и не рекомендуют друг другу понравившихся книг.

Десятилетняя девочка проит «какой-ни-будь альбомчик, дайте мне книжку, чтобы детство было, проит другая. Она, положив понравившуюся книжку и направи-ваясь к выставке, сказала ни к кому не об-рашаясь — я пойду книжкою вы-бираться, другая (лет) проит про куколку, третью (12 лет) проит про куколку нет по уму, четвертая — три жизни бедной девочки, пятая — про утюжок и, наконец, десятилетняя серьезная де-вочка, с самым глазом, попросила дать ей кашку, как кашку женщина дасть на мышке.

Мярко бросается в глаза, что спрос девочек сильно окрашен чувством, настроениями, тогда как у мальчиков преобладают героические, приключенческие, исследовательские интересы. Как обычно правило спрос мальчиков более разнообразен и богат, чем у девочек.

Заглубленные броки

Тонкую картину детского спроса могут дать только шифры. Богатейший живой материал, собранный в недолгие часы напряженной библиотечной жизни, блещет переливами самым разным шифр В наших издательствах просеивают миллион-швейские броки летним калкуляторам, армии бухгалтеров, статистиков, инспекторов и бесчисленных количества помывочных муравьев, де-лающих издательскую полнотку.

Нехитрая, но поучительная механика шифр рисует довольно несприятливую картину коэ-сисальной размычки между дет-ским спросом и тем представле-нием о нем, которое по инстинктив-ным сведениям почти ослепило у творцов издательской политики.

Пусть говорит шифр.

19,5% всей продукции издательства было выпу-щено в первой литературе. Спрос на нее равняется 26,22%, составляя глав-ную часть всего спроса. Издатель-ская выработка на рынок 10,3% произ-водства и индустрии в уму, полагая, что вместо «уточено и спрос» пролетарские мальоти будут читать о двигателях внутреннего сгорания и технике мугуноинженерного производства.

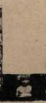
Умы, производящую литературу спраши-вают только 2,37%. Немногочисленный интерес представляют шифры по приключенческой ли-тературе и справочникам. Кто-то шепнул издатель-ским муравьям, что-ве, мол, не читают наши дети?

ЧТО СПРАШИВАЮТ ДЕТИ?

МЛАДШИЙ ВОЗРАСТ

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

Сказка
4,29%

Б. М. У.
2,37%

Приключенч.
1,4

Револуцион.
6,19%

Сказка
1,39%

Приключенч.
2,96%

Револуцион.
7,58%

Классич.
6,39%

Приключенч.
11,89%

Сказка
9%

Б. М. У.
25,2%

Приключенч.
2,19%

Револуцион.
6,19%

Классич.
10,3%

Приключенч.
25,52%

приключений. Не такосе они эти дети, чтобы всякую белиберду читать... и издательства выпускают приключенческую литературу только 2,9%.

Спрос на детскую литературу оказался совсем не таким, как их представляли в Госиздате, и во всех требованиях, предъявленных в библиотеках, 15,48% падает на приключения. Из спрашивающих получилось обратное явление. Справочной литературы выпущено 15,3%, спрашивают ее только 1,63%.

То же самое и с классиками (выпущено 0,3% — спрашивают 7,28%), со сказками (выпущено 4,3% — спрашивают 16,74%).

Цифры продолжают речь

Есть дети и дети.

Семилетний карапуз, прикомандированный к «Максону и Морисам», десятилетний мальчишка писюер, настойчиво требующий книжки, как следовало бы самому взрослому, потребитель Ангуса Кречета, девочка, непременно желающая читать про «калостипов», кровоснабжающая обладательницу шафранного бантика в носочке, умоляющая дать ей «одепарка», девочка, просящая «стишки про Ленина», и подросток, требующий Томпсон-Сетона, — все это дети.

Из спрос и их интересы определяются весьма многими причинами (социальное происхождение, школа, воспитание, пионер-отряд, условия жизни и пр.) и в первую очередь возрастом. Различные спросы в пределах одной возрастной группы наблюдаются только у старшего возраста. У других возрастов спрос более единообразен и схематичен.

У младшего возраста на первом месте стоит, конечно, сказка — 42% всех спросов. Дальше идет бытовая книжка (как живут дети) — 23,2%. Спрос на производственные темы ничтожен — 1,4%, тогда как издательской литературы для малышей выдано количество — 17,9%. Про революцию читают довольно охотно — 6,6% спросов. Издано же на эти темы 0,5%.

У среднего возраста выходит на первый план — быт. Вытовой литературы

спрашивают больше всего — 26%. На втором месте стоит приключения — 17,6% (издано для этого возраста 3,2%), на третьем — сказки. Сказок спрашивают довольно много (13%), нагдо не выира на то, что издательства решили будто в этом возрасте дети сказок не читают (сказок не издано ни одной книги).

Классиков спрашивают 6,8%, революционной литературы — 7,5%, производственной — 2,9%.

революционная литература (6,6%), рассказы из эпохи гражданской войны (5,7%), сказки (5%), и производственные книжки (2,5%).

Темная личность

Чужоточный библиотекарь спомнил последние формулы, промакнул прес-папье давно вышедшую клею на библиотечной стойке и устало улыбнулся.

— Ну? Кто вы скажите, о лице молодого читателя?

Что я ему скажу?

Что я могу ему сказать? И я сказал, начал о том, что молодого читателя мы не знаем. Мы считаем его не таким, как он есть. Для нас — это темная личность, к которой надо ворко приглядываться, в которой много неожиданного, загадочного и непонятного.

Я сказал, что работы кабинета детского библиотечника, библиоциста Главполитпросвета и прочих подобных учреждений захватывают обширные знания круг лиц, что они почти не выходят за пределы кабинетных изысканий, тогда как темная личность — материалы колоссального общественного значения, познание широкую публику.

Издательства работают почти втемную. Авторы пишут по интуиции святого духа, журналы печатают не то, что нужно, а то, что можно. И все эти мифы вертятся, а малыши проходят в библиотеку и спрашивают библиотечника, спрашивая такую книгу, которой нет.

МОЛОДЫЕ ЧИТАТЕЛИ: детские библиотеки читаются охотно и с интересом

детской

У старшего возраста, так же как и у среднего, в первую очередь идет быт. Книг на бытовые темы спрашивают 26,2%. Издано в этом месте — приключений (25,5%), на третьем — классики (10,9%), потом идет

О ВРЕДИТЕЛЕ

Мих. КОССОВСКИЙ

Хлебный вредитель — личность давно установленная и определенная. Какой-нибудь выдрог скопомпротрированный и антиобщественный суеиск механически продолжает свое дело, пока мощная рука Амазонки не остановит его.

Но не родился, очевидно, еще тот Амазонка, который бы мог повести решительную борьбу с книжным вредителем. Книжный вредитель плодится и множится независимо от времени года. Он озирает свое происхождение над сусликом и полевую мышь и не меньше их любит свою пищу. Правда, эта личинка несколько напоминает любовь жонглер Сенгала или обитателей Центральной Африки... и детям.

— Люблю ребят, — мысленно говорит какой-нибудь сенегалец, а потом он издает слегка поджаренную сочную кошку наподобие африканского Вази или Пети.

Вредитель знает пользу книги и любит ее. И он, прав, черт побери! Кто-нибудь другой, не имеющий понятия о ценности книги как таковой, начал бы бороться над личинкой трехногого стула или просто выворбил бы его на помойку за ненадобностью. Но совершенно иначе поступает опытный, честный и квалифицированный вредитель. Он любит во всем научное основание. Карл Маркс чего-нибудь да стоит.

Во время принятия прозрачной и грубой финансовой пищи вредитель ни на одну секунду не забывает о более насущном «духовном» хлебе. И, удачно комбинируя оба восприятия, достигает превосходных результатов.

Библиотечный вредитель чужда изысканного. Он внимательно следит за книжной жизнью. Путя

его жилище белое и побольше, но тут ему на помощь приходит наука и беллетристика. Правда, особенно уважаемые и согласованные выписки на стене образцы вредительской эстетики, добытые непосредственно из книги. Турбины будущего Днепростроя никак не хотят пригнаться к макетом последней постановки в Камерном театре, а пленные «сентиментальский» быт-производитель выглядит почти чужим рядом с портретом народной артистки Неждановой. Но это не смущает вредителя. Важно одно: книги используются на сто процентов... и вредитель временно удовлетворен.

Какой непосредственностью и простотой дышит искренние заметки вредителя на полях книги. А осторожному историку будущего представится примерно такие незабываемые попомнения: «... и неадаптом так называемые демократические вошки упорно твердят, что... Там вина теперь гудит с ружьем Сергеевич... Ну, и пусть пошло их на...»

На этом месте вредителя заговаривает совесть и он добавляет более точный адрес, чтобы не дать воли разгуляющему воображению следующего читателя.

«... что шло их на... все четыре стороны».

Отрывок из древней истории после внимательных комментариев выглядит, примерно, так: «... и когда Цезарь переходил через Рубикон, он сказал римскому Сенату: «вот я в Баварию выдул три

пары, заоджал Васке рупь...»

Очевидно, много еще неисследованного в истории древних, и Юлий Цезарь вовсе уже не такой герой и трусовник, как им удачно прикидывалась дав последние тысячелетия.

И политурата полверглась краткой, но вразумительной переработке.

«Все мы должны помнить слова вондана... отдам в с е р д у — ж а т и с ь м о л б а с о д е !»

Вредитель искренно и честно любит книгу. Он, действительно, гвоздя не может забить без помощи науки. Жуковский, Толстой или Бабель — мы безразлично, лишь бы переплет твердый.

Однако, размеры настоящей заметки грозят выйти за пределы допустимого, а содержание может превратиться в сплошную аналогию вредителя. Мы с самого начала хотели опозорить, заклеймить вредителя, а выходит сплошная похвала. У него, дескать, и вкус, и близость к науке, и чувство изысканного, и проч.

Ито же может сказать историку? Ах, если бы сама книга, побывавшая в руках у вредителя, могла заговорить. Но где уж ей? Видаль, вы когда-нибудь покойника, извлеченного для вскрытия после трехнедельного пребывания в могиле? Очень похоже...

История после внимательных комментариев выглядит, примерно, так: «... и когда Цезарь переходил через Рубикон, он сказал римскому Сенату: «вот я в Баварию выдул три

ЛУНА БЕЗ ЧЕРЕМУХИ ИЛИ ЛЮБОВЬ ИЗ СОБАЧЬЕГО ПЕРЕУЛКА

ПАРОДИЯ ГАНКРАТ ВУЛЬВЭРА

(Откровенное вступление)

Восна такая пышная, как бост жены предкооператива... Луна аккуратно ходит по правой стороне... Откуда-то доносится прятные запахи Собачьего переулка.

Иногда смотрю я на эту бутылку мне почему-то хочется плакать.

А мне грустно, дорогой читатель... Рассвет природы, можно сказать, в самом разгаре, а у меня, писателя Вульвэра — ни славы, ни денег, никакого уважения. У меня сейчас на столе смятая веточка черемухи в бутылке вместо русской горькой... И эта черемуха уныло торчит в бутылке потому, что содержание ее, вы, давно уже выпито...

Когда я смотрю на эту бутылку, мне почему-то хочется плакать...

Я знаю почему, и когда-нибудь расскажу тебе об этом с «бесстыдной» откровенностью. Ты знаешь, что я стал советским писателем. Правда, я далеk от сожалеия о потерянной невинности, а тем более от угрызений совести за свое «адашество»...

Нет никаких угрызений. Да и нечего угрызеть.

А слава, она, какая ни на есть, а все быт—слава. Пальцами чтоб показывали... Говорят, один француз свою трехлетнюю дочь изнасиловал, от этого и славу получил.

Что для славы надо? Проблема нужна. Чтоб любовь и без пикантности. А быт—к чему он? Граф Аморси и без быта просуществовал. Все шушки в твистной со своими героями провлялвал. А чем рабфаконское обожичие хуже? Эврика! Нашел... Вот где клочок счастья!

Мне уже веселой, дорогой читатель... Я знаю, почему!

Глава первая

Когда Таня исполнилось одиннадцать лет, она решила, что, несмотря на неприятствия бабушки и отца, у которого отобрала свиного мерина, должна поднять работу в комсомоле... Ее мучила полчас сомнения, у нее еще не вполне оформилось

марксистское сознание, но она знала, что сидеть нельзя, надо работать, бороться с рудинизмом и идеями. Ей уже надо изобрести в своем первом письме, написанном нервным женским почерком, который Таня приобрела в школе I ступени, она писала:

«Милый Степа, я крепко ввалился за работу. Сообщаю тебе, что мужики были вчера пьяшны. Он бузил. Требовал обратно мерина. Бабушка сама победана рязина. Дедушка она не прускает на унцу, боится, что он соблазнится кривой Федей, которая уме делала в овине мое изделие, которую хочется выить целиком на строительство и борьбу, и ни одного грамма половому вопросу. В газетах много читаю о новом мире. Газета—это Промя и Цепень современной политической погоды. Много думала я о плане Дауза в Германии и неужую его экономико-империалистических теориях и выискала из конкретного материала, из фактов и цифр, взятых мной в немецкой печати. Дядя Кондрат привозит мне «Котэ Fahnе», ты говоришь: «Нужно обязательно сделать в левую ветку мухи, скоро все цивилизации дипломная конка будет». Он очень смешной дядя Кондрат. Думает поступить в школу по экзаменам безграмотности, которую я организовала и думаю вести по системе Песталоцци. Ну, пока. Думаю я поехать вскоре на рабфак. Пиши.

Твоя Таня».

Глава вторая

Прошло три года. Таня поблбдеившая, как белый мел, с желтыми пятнами на щеках, с черными оврагами под глазами, быстро шагала по комнате обожичия. Под ногами у нее хрустела яичная скорлупа, головы от селедок и осколки разбитой винной посуды—остатки последней афинской ночи, бывшей недолго тому назад. Когда Таня надело ходить, она вялая лет сумгаи, на котором лежала несовершенная яичница, и «начала писать письмо подруге:

«Милая Веруша!

У меня уже, кажется, нет выхода. Я совсем сомялась и разочаровалась. Лозуе «за что боролсь?» не дает мне покоя. Вчера вечером сидела я одна, думала о своей работе в деревне и о фрейдизме. Поглядела в окно и что я увидела! Милая Верочка! Нарпотила, в четвертом этаже были настежь раскрыты окна. На полочке стояла ответственная работница 17 разряда с нагрузкой, совершенно голая прижимала кошку к груди (конусом либерти), привнесенная мужиком из-за границы. Мошкэ преставити, она переменила 72 платья. После каждого платья муж опускал на пять минут гаргану. Но я все видела и слышала, как он шептал: «Дорогая, плавать на революцию. Все для тебя... Между нами да стее у них, в рамке я разгадала не то, парбллет, не то патент на право торговли. Что же делать, милая Вера, нам, ослепшим революцией? Куда мы идем?»

За что, на свете, боролсь?

А революция...

Глава третья

Наш ширил свое влияние. Его противоречия скажались на каждом шагу. Все моложе на рабфаке разложился. Не разложился только один Петр и то потому, что не учился на рабфаке, а был связан с рабоче-крестьянскими массами.

Доносился аромат черемухи и селедок, потных тел и вина. В соседней комнате рабфаковцы, уже два года бросившие гулять гранит науки, начинали афинскую ночь. Разложился...

Петр швел к Тане, услышав о ее наденни. Умыши, твердокаменными и решительными глазами посмотрел он сто процентно на нее и нежно спросил, чтобы не обидеть: «Как все это произошло?»

Таня кокетливо улыбнулась ему, помала помадой Коти губы, сняла с себя платье и белое и на голое тело надела просвечивающееся креп-де-шиновое платье.

— Так у нас ходят все рабфаконки... Дискусировать о половом вопросе удобнее.

Петр стыдливо отвернулся и стал слушать рассказы Тани:

— Я думала, что первая любовь—праздник. Я хотела ее украсить и купила веточку черемухи. Но наши рабфаконки чужды сентиментальности, они не понимают тонкости женской души. Я купила черемуху потому, что люблю извилисто и красиво... Почему, думаю, не купить, когда МХЗ разводит штепники на скверах и всячески украшает город Горрод украшен. Вишневость блистает, а мы—гнием. Да, Петр... (Она чуть приподняла платье, длинное, не доходящее ей до колена). Кто был он, первый? Конечно, студент в синей рубаше и высоких сапогах. Я его не любила, а даже презрела. За грубость, за развязность. А он пришел вечером, запер дверь. Мне хотелось нежности и пошегу: я его не любила. А он говорит:

«Что антимною разводит! Долой черемуху! Дашь половой паек!»

Я хотела сопротивляться, но мне стало его жаль. Я презрела его, но было поздно... Луна была с правой стороны. Мне хотелось нежности, а он встал, подобрал мои шпильки и пошел.

Немного мне этикетами занимался. Меня я Маруска жлет. В порядке комсомольской дисциплины...

Так была развита моя черемуха... Впрочем, пойдем в соседнюю комнату, там сегодня афинская ночь, все рабфаконки и рабфаконки будут голые. Много шампанского, коньяку и закусок. Сегодня стипендия получила... Все это устраивается в честь моего дня рождения. Мне сегодня исполнилось 15 лет. А завтра я почтучо Есенина и, между прочим, почтучо самобытством.

(Окончание см. стр. 12)

Петр с милдой отаргуна

ЕДИНСТВЕННЫЕ В МИРЕ

С. ВИНОГРАДСКАЯ

ВВЕРХУ — Маска, снятая с Ильича.

СПЛЕВА — Один из залов библиотеки Института Ленина.

ВВЕРХУ — В музее Ленина: рабочий кабинет Ильича, на первом плане — письменный стол с календарем, раскрытым на день смерти Ильича.

СПРАВА — В коридорах библиотечно-книгохранилища Ленинского Института.

Ни в одном уголке земного шара не выпускается и не прочитывается столько революционной литературы, сколько в России.

Революция не только утвердила в России господство учения Маркса, она не только сделала доступным его учение широким массам. Революция создала также монументальные учреждения для изучения этой теории.

Такими учреждениями являются единственные в мире библиотеки при Институте Маркса и Энгельса и при Институте Ленина. Знамениты они не количеством книг. В этом отношении они уступают многим библиотекам, не говоря уже о монументальных книгохранилищах Британского музея в Лондоне. Их особенность в характере и назначении. Они призваны собрать в своих стенах все, касающееся истории и теории социализма и революции.

Библиотеки эти преследуют строго научные цели.

Желающий работать в той или иной области попадает в соответствующий кабинет, где подобрана вся литература по интересующему его вопросу. Намеченную работу он может написать, не выходя из кабинета и не обращаясь к помощи

других библиотек. Эта особенность характера и целой делает библиотеки Института Маркса и Энгельса и Института Ленина единственными в мире. Товарищи, работавший в Институте Маркса и попавший затем во Францию, поделился в письме своими впечатлениями о французской публичной библиотеке. Очень характерна одна фраза: «Библиотека эта колоссальна, книг в ней масса. Но разобраться в них, разыскать нужное для работы — невозможно. На это тратишь массу времени, в этом море книг лодынь, не то что в нашем Институте Маркса и Энгельса, где каждая книга подобрана и сама в рот дается».

В Институте Маркса и Энгельса книги распределены по кабинетам, так что по ним можно написать любую работу по конкретному вопросу марксизма; не выходя из библиотеки.

Здесь собраны все произведения Маркса и Энгельса, все, что они читали, и все, что ими упомянуто в трудах.

Кроме того, собраны все книги, газеты, документы, освещающие эпоху Маркса и Энгельса; все труды предшественников научного социализма, все работы, на которых отразилось влияние марксизма, все книги, написанные врагами марксизма.

Каждый кабинет в Институте — это эпоха. Здесь книги рассказывают захватывающе интересную историю революции.

Кабинет Франции. Он с пол-350ным правом может быть назван кабинетом Французской революции. С полка глядят книги о свержении французской монархии, бегстве короля в Варенн, о ненависти к королеве Марии-Антуанетте, которую французский народ прозвал «гордой австриячкой»; книги о Якобинском клубе — откуда вышли все деятели великой революции; книги о якобинской диктатуре и терроре 1793 г., о Робеспierre, прозванном «неподкупным», о Марате — «друге народа». Далее идут книги о 9 термидоре — начале контр-революции во Франции, о Наполеоне. Здесь имеются редкие книги об участии парижского пролетариата

в Лионском восстании в революции 1848 г. и почти никому неволемо книги о жизни утопистов — Фурье, Бабефе, Бланки.

Кабинет Англии дарит читателям таинми книгами о чартизме — революционном течении в английском рабочем движении прошлого столетия. — каких почти нет в мире. Кабинет Германии представляет самое мощное создание Института.

Родина Маркса — Германия — дала впоследствии лучших учеников и последователей учения Маркса. Мощное рабочее движение в Германии, революция 1848 года, империя Гогенцоллернов, история германской с.д. представлены здесь с непревзойденной полнотой.

Нигде в мире нет такой библиотеки, которая собрала бы все без исключения книги, относящиеся к марксизму и к жизни Маркса.

Не менее значительна и замечательна библиотека Института Ленина. Многоэтажная, все изрезанная стеклами башне-книгохранилище хранит все печатные и иллюстрированные материалы, имевшие отношение к жизни и деятельности Ленина, все его произведения и все сочинения, которыми он пользовался.

В последовательном порядке располагались демокристы — первые восставшие против самодержавия, петрашевцы — второе поколение смельчаков в Сибирь, борцы за социализм — Герцен, Чернышевский, Перемежаев на полках Бакунина, Михайловского, Писарев, Добролюбов, книги о борьбе народовольцев с самодержавием, — и растянулы на необозримое количество полков период русского марксизма от Плеханова и история рабочего движения от ткача Петра Алексева и столера Степана Халтурина до наших дней. История нашей партии — это живая, вечно пополняющаяся отдел.

Для изучения ленинизма и эпохи Ленина библиотека собирает также все труды утопической и научно-социалистической мысли: сочинения Маркса и Энгельса, Плеханова, всю литературу о Коминтерне, I и II Интернационале, всю белогвардейскую литературу и революционную беллетристику.

Библиотека живет слитной жизнью с нашим строительством; обслуживает многочисленные запросы по вопросам истории партии, ленинизма.

Библиотеки Института Маркса и Энгельса и Института Ленина — это подлинная гордость Советской власти — являются лучшим памятником торжества революционной мысли.

В БИБЛИОТЕКЕ ИНСТИТУТА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ВВЕРХУ — Внутренний кабинет, Германия; СПРАВА — первое французское издание «Капитала» Карла Маркса.

ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ?

Мы предлагаем нашим читателям по выражению этих лиц определить названия книг и прислать нам свои решения

ВЕЧНЫЙ КАПИТАЛ ЛИТЕРАТУРЫ

И. КУБИКОВ

Спрос на произведения старой классической литературы со стороны широкого читателя наших дней является фактом объективной и с этим явлением нельзя не считаться. Вполне понятно поэтому принятое Гос. Издательством решение выпустить в ближайшем время на книжный рынок тридцать миллионов отписок различных произведений классиков русской и мировой литературы.

Само стремление читателя наших дней к произведениям классической литературы свидетельствует о несомненном росте ее культуры. Но, и следовательно, эта тяга к классикам сопровождается иногда отчаянным отрицанием литературы последнего десятилетия. Необходимо остановиться на том, что в этом отрицании современной литературы заслуживает внимания и что основано на недоразумении.

Почему нельзя бить классиками по современным?

Прежде всего нельзя безоговорочно сравнивать классиков с современными писателями, потому что классическая литература—это литература отстоявшаяся и прошедшая через ряд десятилетий. В те времена, когда творили свои произведения Тургенев, Толстой, Достоевский и Гончаров, литература, разумеется, не ограничилась этими именами. В сфере читательского внимания был ряд писателей, в свое время очень интересных, но теперь уже окончательно забытых. В борьбе за читательское внимание в ряде лет выжили те произведения литературы, которые являются в художественном смысле лучше организованными. Когда то, четверть века тому назад, наш великий ученый Тимирязев, в одной из своих статей, остроумно применил дарвиновский закон борьбы за существование к созданию искусства в литературе, обнаружив и здесь выживание наиболее приспособленных.

В свое время еще Белинский обратил пристальное внимание на соотношение между высокохудожественными произведениями литературы и произведениями, имеющими только относительную цен-

ность. Эти последние Белинский называл произведениями беллетристики в широком смысле этого слова, в отличие от произведений, которым сушебно стать классическими, или, говоря словами великого критика, «вечным капиталом литературы». Произведения беллетристики, «вчера еще победоносные, веселые, гордые, свежие, яркие, блестящие,—сегодня они уже блекнут, вянут, а завтра их нет». Эти слова Белинского можно применить и некоторым произведениям новейшей литературы, о которых сегодня шумит и спорят, о том, чтобы через пять лет их уже продать основательному забвению. Но из этого, конечно, не следует, что произведения беллетристики не заслуживают внимания. По словам того же толкователя русских классиков своего времени, произведений, имеющих относительную ценность, не обходимо, они имеют великое значение, великий смысл, потому что в них выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня. Этим самым можно предопределить значение многих произведений литературы наших дней. Пусть многие повести и романы последнего десятилетия, накопившие в сфере внимания читателя, не останутся «вечным капиталом», но они важны для нас, как выражение наших чувств, дум и стремлений. Только при таком подходе можно правильно разрешить вопрос о соотношении между литературой классической и литературой наших дней, не решающая вопроса о том, что из нашей современной литературы будет интересно для читателя следующего поколения.

Что нужно, чтобы наши писатели нас удовлетворяли?

Но для того, чтобы литература наших дней отвечала запросам своего времени, она должна стоять на уровне требований передовых рабочих читателей. И здесь многие указания читателя, уже сделанные на различных диспутах и в заявлениях письменного характера, заслуживают внимания. Вычурный, матерный язык, помпанный синтаксис, злоупотребление местным диалектом, хаотическое построение произведений,— вот недостатки, от которых надо отрешиться, но совс-

ещено справедливым замечанием рабочих читателей наших дней. Тяга к классикам—это, между прочим, и тяга к классической ясности языка, обладающей легкостью восприятия. Все, что это восприятие затруднит, читатель отбрасывает. Затем ему трудится над словесными вымертами В. Пильняки первого периода или над вычурной эпитетной и логичным синтаксисом «блестящих ветров» Есая. Исакова, когда он может диктовать писателям наших дней свои условия и починаясь определенному социальному заказу эти же писатели, в борьбе за читательское внимание, вынуждены выискивать все стили своей гальвейской литературной продукции, являя ее более приемлемой.

Другой недостаток, на который указывают рабочие читатели нашего времени,—это грубость языка и немужской натурализм при изображении ряда явлений жизни. Читатель определенно замечает, что он идет в литературу отстоявшаяся от той примитивной простоты нравов, которая часто надоедает ему в окружающей его жизни.

Есть еще одно важное обстоятельство, мешающее приятно читать произведения новой литературы,—это тенденциозность и скучное бытовое изображение, не претворенное в художественное восприятие явлений жизни. Рабочие читатели на этот счет недостаточно ясно формулировали свои мысли, но что они и этому вопросу подошли, показывает следующее: читатели на диспуте, открытом культурно-просветительским отделом МПСО, говорили о том, что они не хотят больше читать беллетристики, изображающей только рабочую жизнь; другие же как раз требовали изображения рабочей жизни со всеми ее радостями, скорбями, достижениями и печальными сторонами. И, помимо этого, здесь вопрос стоял так: если жизнь, знакомая читателю, преподносится в виде голого бытовизма,—это не интересно, потому что достаточно знакомо. Но если данная же действительность получает в повести или в романе ясное художественное оформление,—тогда такое произведение сразу привлекает внимание, ибо создает отчетливый и свежий восприятие. Только на этом пути возможно устранение противоречивых требований ряда читателей.

посутила, будто умерла. На самом деле она с'ездила на крайний север, закалила свое здоровье и сознание связью с крепким основным воздухом и самодвижущимися массами. Она вылечилась от уклона. Теперь вышла замуж за Петра, зарегистрировавшись в загсе. Так началась новая красная жизнь Петра и Тани, ознаменованная разрешением Главлита напечатать этот рассказ.

А луна-ю была с правой стороны. А пахло все-таки «собачьим переулком»...

Что, с'ели?..

...Вышла замуж за Петра зарегистрировавшись в загсе

(Перенос со стр. 10)

Петр красноречиво молчал. Потом пошел на афинскую ночь... Он шел с левой стороны Тани, а луна с правой.
— Да, сказал Петр. Такие-то дела...
Его умное лицо было идеологически выдержано.

Глава последняя

Тани не стало. На этом я должен был кончить рассказ, так как материала в нем достаточно, отображение быта молодежи—полное и т. д., но я узнал случайно в Главлите, что Таня жива, она просто

Не нужно закрывать глаза
к нему

Преодолевая все эти недостатки, современная литература будет с большим успехом бороться за читательское внимание.

Что касается литературы классической, то по мере роста рабочей культуры она также все более будет привлекать внимание читателей. Но, конечно, этот читатель будет по-прежнему расширять произведения классиков. То, что в свое время затрагивало какие-то душевные струны читателя или социальной группировки, в рабочем читателе может вызвать чувство недоумения, или, в лучших случаях, интерес лишь историко-познавательный. Правда, материнская любовь Анны Карениной к своему сыну будет понятна, ибо здесь заложены элементы общечеловечности. Но не нужно, по примеру старых словесников, закрывать глаза к нему когда, напр., приходится расширять облик Лизы из «Дворянского гнезда». Ведь вся эта робость и покорность тургеневской героини, по линии религиозной экзальтации, имеет сейчас лишь интерес исторический. И если какой-нибудь заскорзлый толкователь литературы будет обвинять такого читателя в недостатке культуры, то он этим вынудит только свою ограниченность. Таному педанту мы укажем на мнение очень культурного читателя А. П. Чехова, который в письме к Суворину пишет: «Лиза, Елена—это не русские девицы, а как-то то либын вешающие, наблюдающие претензии и не по чину». А, с другой стороны, разве Тургенев не говорил (в письме к Анненкову), что при чтении романа «Обрыв» у него волосы лезут от скуки?

Эти примеры мы привели, как доказательство возможной правоты рабочего читателя, когда он подходит к классическим произведениям литературы со своим новым восприятием и, следовательно, с некоторой переоценкой.

Горький или Достоевский?
Некрасов или Тургенев?

Интересно, что внимание к тому или иному классику со стороны рабочего читателя часто определяется социальным характером тематики различных произведений. Так, напр., в книжке Евг. Хлещанова «Массовый читатель и книги» (Гос. Воен. Изд. 1925 г.) мы находим таблицу, где читатели работы по категориям. Соотношение между, напр., читателем из интеллигенции и читателем рабочим получается любопытное. Чехов читается почти в одинаковой пропорции как рабочими, так и интеллигентами; Некрасов и Горький в рабочей среде читается в полтора раза больше, нежели в интеллигентной; но зато Тургенев и Достоевский интеллигентный читатель в четыре раза больше.

Разумеется, данное обследование относится к определенному району; к тому же мы здесь

имеем в виду и работу, произведенную в частях Красной армии. Но поскольку наша армия состоит из людей различных социальных категорий и профессий, — эти наблюдения заслуживают внимания.

Можно ли «Обрыв» начинать со второй части?

Можно бы привести любопытные данные о читательности классиков читателями московских профессиональных библиотек, но это потребует специальной статьи. Пока не мы ограничимся некоторыми сведениями о характере рабочих читательских восприятий.

Рабочий читатель не только по-своему воспринимает произведения классиков, но он часто мысленно отбрасывает ненужные ему страницы. Так, напр., по сведениям зам. библиотечника, женскими работницами интересуются в романе «Обрыв», главным образом, любовной фабулой, т. е. историей взаимоотношений между Верой и Марком Волоховым. Когда одна работница потребовала «Обрыва» и первая часть романа оказалась лишней, то ее похвала порекомендовала ей: «Читай прямо со второй части, потому что первая все равно неинтересна».

Также, повидимому, читается и роман «Анна Каренина», на который среди работниц очень большой спрос. Можно быть уверенной, что все те странички романа, в которых рассказывается об удачно помещичьей жизни Ливина, останутся без внимания: по ним читательница-работница просто скользнет, торопясь перейти к описанию переживания Анны.

Затем необходимо иметь в виду, что походя уже со стороны, не только эмоциональной, но и историко-познавательной, рабочий читатель может заинтересоваться дворянской классической литературой. А это предполагает некоторую относительную высоту культуры. Зам. профсоюзными библиотеками утверждают, что обемистый роман «Война и мир» редко читается до конца. Часто интерес падает уже после второго тома. Интересные отрывки некоторых рабочих читателей о романах Тургенева и Толстого. Вот, напр., металлист Г. пишет в заметке: «Война и мир» не нравится, много непонятого (массово), да и сама среда и жизнь героев—чуждая, и непонятны их переживания». Другой рабочий, печатник Ш., читавший всех классиков, в заметке пишет о Тургеневе: «Не мог усвоить тему, выданную средой, которую Тургенев рисует».

Это с достаточной отчетливостью говорит нам о необходимости авторитетных комментариев для многих произведений старой литературы.

Но важно также отметить, что наблюдается тесная рабочая читательность не только к классикам, но и к некоторым, казалось, достаточно забытым, второстепенным писателям. Но об этом в другой раз.

Я и мой читатель

М. СВЕТЛОВ
Шарж Курьяникова

В своей работе ориентируюсь на более или менее культурного читателя—рабфактовца, вузовца, партийного и комсомольского активиста и т. д. До сих пор не могу приспособиться к читательской массе, только вовлекаемой в чтение книги, к широкому массовому рабочему, крестьянству.

Это происходит вовсе не потому, что я будто бы принципиально против Советской власти. Происходит это потому, что я, во-первых, мало знаю (мало—для художественного оформления) жизнь этого читателя, во-вторых, потому, что гораздо труднее писать для широкого читателя, чем писать для избранного мною круга читателей. И еще труднее писать так, чтобы удовлетворить и тех и других читателей. Эту трудность и еще не одолев, стремлюсь их преодолеть и этим самым не только увеличить свои художественные достижения, но и расширить свое читательское аули» торю.

Все же утешаюсь тем, что поэты, пишущие, как говорится, «просто» за счет снижения художественной ценности своих стихов (линия наименьшего сопротивления), тоже недостаточно широко завоевывали читательские круги.

Предпочитаю более трудный, но более верный путь: постепенно обогащая художественные приемы, притти к массам настоящим художником, чем все время стоять на пути в масс и кричать: Да здравствует!..

ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ?

с объяснениями. Наиболее интересные ответы с фамилиями авторов будут напечатаны в «Смене» и в «Комсомол. Правде»

РАЗГОВОРЫ В ПОДЕНЬ

ИЛИ

Нужно быть своего рода Шерлоком Холмсом, чтобы узнать, что читает девушка.

Надо пойти и ней домой, заглянуть на стол, на ее письменный столик, где лежит альбом с надписями попутру—и рядом книжка. Иначе, покажешь, узнаешь трупца.

В библиотеке девушка пропит книгу тихо, красная, не будучи уверена, что она просит этого хорошо.

Полуясь знакомством, часто в обывательный перьях я произволил дружелюбный налет на книги девушки, и уже тогда решил набросать эти короткие строки.

Вот, что говорят сами девушки.

— Я читала мало. Но что нравится мне—это могла связываться бы девушкой, ее переживания о современности. Я читала одну повестку, где описаны любовь, рабство и директор и его отношения к нему. В другой книге читала о крестьянине-выжидателе, пришедшем в город и полюбовавшись здесь девушкой. Эти вопросы интересуют нас.

Другая молодая работница ее подхватывает:

— Мне не интересны ни «Неделя Либединского», ни Ефимки, хотя эти лучшие книги о нашем прошлом и гражданской войне. Я ввязалась за классиками,—они и сейчас востают в лучшем виде, красивее, полнее, старее, чем то, что я могу почерпнуть из нового о новом.

Комсомолец Елужко говорит:

— Я читала «Войну и Мир» и, если старинно, Толстого с новой литературой, то равнина огромна. Мне надоело читать о гражданской войне—на все об этом знаешь и сами переживали.

Зачем нам повторять все об одном и том же? Новые авторы огазаниваются на мелочах, расозе, солируют, как человек обгачивает гапку, а в глубоких вопросах не затрагивают.

Девушки, меланхолично кончившие семилетку, в восторге от книги Огнева «Дневник Кости Рыбачева»: — Вот человек, который раскрыл и обобщил все не в мелочах, а с порывом!

Работница Серенко вранится такая книга: — Которая раскрывает жизнь в работе и в жизни на Востоке.

Нягуляев. Серенко подхватывает и другие молодые работницы. При этом у всех один вопль: — Приходит девушка в библиотеку: дайте что-либо почитать, ей вечно же суют «Неделю Либединского». Как-то уже очутилась по шаблону. Такие разговоры случились не обходятся без упоминания молодых имен—П. Романова и Малашичина.

— Читала я «Письма о любви» Романова,—говорит работница Кожурова,—написано ничего, а факты и осправедливы. О ком это он пишет? У нас девушки не такие, как кумает Романов. Нет у нас сейчас я. Книг, которые выражают быт молодежи, делают их вавою. А нам жужжат со стороны «Почитайте «Луню» правды, спорим—смысл никакого. А как это интересно—могу вам сказать. У нас в отпелении прочли девушки «Луню» и говорят—надо коганибуль попробовать, что это за афинские ночи...

О Цементах Глазкова работница Реутова говорит:

— Хотя бы тысяча раз интересно, так тяжело написать о, что рядовая работница нить раз одно место прочесть должна, а так—не поймет...

На листках девушек требуют из'агла «Кривратка»—«Луня» и «Собачьего перушка», и в то же время отмечают простоту, с которой написан этот «Собачий перушек» «Бели бы к этой простоте да хорошее содержание»,—говорит они.

«В библиотеке новая литература иногда получает свое отображение так:—Как жалко, что нет Вербицкой,—говорит, заучивую повела.

Толстая книга—вот идеал девушки-читателя. Тонкую книгу,—потому ли, что ее меньше надо, потому ли, что она не затопляет тупею и инерт, а сразу расхватывает предмет,—не любит. Поэтому «сборники рассказов»—муда для библиотечки, их не берут, если не считать уже «маленьких» читательниц, спрашивающих Генри и Дж. Лондона.

Девушке-работнице вранится красивая, влекущая завязка и развязка, и потому такой мало авторитетный писатель, как Паузухин—его «Последний посетитель»—все не переживает из рук в руки.

Точно так же, и все арывает любимых девушками классики исчерпывается или половиной «Войны и мира» («войны» не читает, а только «мира», так как там сосредоточены дела любовные), «Анной Карениной» и «Воскресением», где «Обрывком» Гюго, — вот и все.

Почему же, однако, недостаток русской литературы, затрагивающей проблемы, не восполняют иностранные писатели, которых мы так шельму переживаем?

Да потому, что сложность языка не под силу малосложному читателю. Классики, особенно, скажем, Толстой, в приведенных нами вещах, которые интересуют девушку, кроме бытовой стороны, имеют еще простоту и ясность языка. В отличие от этого, переводная литература тяжела на язык, и ее читают только слушание.

Только «Тамара» Дюшена и «Ясным путем Нильдальфа» пользуются большим успехом. Там

события и люди описаны с некоторой, мы сказали бы, нетой и чуть-чуть сентиментально и, значит, явно отличает эти книги от темных по языку и по фабуле книг, от которых девушка бежит.

Смысл любительски обстоит дело с литературой о гражданской войне. Гражданская война в ее обыкновенном будничном описании—стелупущими и шшири и прочим скучным литературным шарбом—не влекут девушку. А стоит лишь писателю отойти от шаблона (Павел Дорощук «Колчак-овщина», «Запелте кривоном»), как он сразу завоевывает читательницу.

Характерно, что стихи в сборниках и отдельных книгах авторов читаются девушкой очень мало. «Где-то Уткина и его прекрасная повесть о «Где-то Мотале» содержанием своим далека поинто девушка работница, но знакомая с ботом, описанным Уткиным. Огромным успехом пользуются миниатюрности и веселые по своим настроениям стихи Ярова. Безымянского девушки считают «большим поинтоном». Как прекрасное современное тем, любовь и фронта отмечают девушки «Рахили» Молчанова.

Чтение девушек и чтение парней во многом различается между собой.

Парни увлекаются технической и прикладной научной литературой, парни зачитываются фантастикой и в классиках у них другой, скорее самообразовательный подход. Все это в порядке вещей.

Но есть и конфузное отставание в чтении девушек от парней.

Там, напр., в Богородской библиотеке парень задал в жизни вопрос и ответов такой вопрос: «Что такое любовь и какие по этому можно книги прочесть».

Ему библиотека отвечает: — Прочтите: Сеничкин «О любви». Ярославский—«Половой вопрос». Залинда—«Половой вопрос».

Немилов—«Биологическая трагедия женщины».

А вот девушки, которых, казалось бы, этот вопрос-большое всего должно интересовать, научно обоснованные книги и даже брошюры о любви и половом вопросе читают мало.

Большое тою, брошюры о гигиене матери, о противозачаточных средствах и т. д. спрашивают больше... ребята.

Я обобщил молча вопрос о новом слое читательниц.

Этот слой, о котором следует поговорить, требует и особого внимания. Это новизна, ачера только пришедшая на деревню девушка.

МОЛОДАЯ ВОДА Я и мой читатель

Очерк Х. СОЙНОВА

Молодое солнце пасется к мотоворному берегу. Солнце заглядывает со старым заводом над молодой водой.

В Хамовниках приближается обесцененный перерыв, под стеклянными кровлями шевек, как будто, стаяки гудят чутко громче, и ренни добегают чутко шибче Кто, помоложе—часе поспит там, где чаще висит.

В завод пришла передвинная библиотека, взяла свой привычный стол, и выставляла под самое солнце—ведь апрель не теплый—и раскладла по столу книги. Самые толстые и самые тонкие: Переломки И вздрг—

Гул о! Залом вырвется из шевек молодцы, двари захлебываются. Плавна катит и вонюе разлетается вправо, а одна волна налетает на книжный стол и занимает его кругом. Уже со стороны не видать ни стола, ни двариш храброй, одна молодая вода волнует. Эх, была не была! Нервом, что ли?

Храбрая девушка, ну что не было, сидит себе на своем стуле и преспоко распорядится:

— Ну ты, Гухарев, стоишь не спрыснул!

— А емели мне самого слади спрашиваешь?

— Тебе, Голкин, опять вволю?

Полжикой Голкин—сам веселый, и книжко любит поджожине.

— А книжко. Другую и не стоишь читать. А вволю—кучонок отстелывать, кучонок еще кожанка-буду. Да ты мне книжко-буду две выбери, а то и не захватить другой ра!

— Ну, ну, провалняй!—скажишего Голкина выкинул из круга. Он ловит кого-то и угрожается насчет кино.

Запыхавшая Чудиню неужкоже просыпается насчет толпу—и сразу захлал пол-стала! Жадно перешушавает книги.

— Божок, все растет! Видишь—руну по резаю, вот из-за чего и сползал.

Он гордо отпрыгивает и показывает руку. Ниче Чудиню куда уверенней стал, пролетарем себе чувствует, не то, что прошлый год: прямо был из деревни. И оидт гущает на голове кожаночка, муртка гороховая, теплая.

— В амбулаторию ити надо.

— Пустишь это. В аптеку сразу дадут, что требуется.

Да, надо зайти, — вежливо егсгашивает Чудиню и с тем и с другим, но, наиверно, не зайдет ни туда, ни сюда.

Молодой зайчишка беспокоится, как на ульщик, прямо прыгает от волнения:

— Товарищ библиотечарь, дайте мне Новикова.

— Правнравилась?

— Вот его книжка—да! Главное—смотришь в книгу и, если интересно, сразу читаешь, а если нету—то плюнь читайшь. Все суливается, а Новикова сразу читаешь.

Один из старших, ни к слову, ни к горю обращает к нему прерзительно:

— А из комсомола тебя еще не выгнали, бужотер!

Вздох мрачно выглядывает наверх, в лицо тому, и стечает дукусмысленно:

— Хулиганов у нас в комсомол совсем не берут.

Чех, во всех сторон!

— Ого, брат, крой ого!

Узнавшийся заира берет угрожающую ноту.

— Ну, ты, сморчок!

Но библиотечарю громко прекращает не относящийся к делу разговор одним словом:

— Эй, вы—кричит она им,—прекратите!

На стол падают славаемые книжки. Некоторые ребята перешагивают.

— Ты эту прочитай? Ну как, интересно?

— Да ничего.

— Значит, стон?

— Спит.

— Ну перешипните ее мне.

Над углом отыкает, как овечка, молчаливый парень лет 17-ти.

Воспущивается в разговоры о книгах, Он стеснитель, медлитель—сразу видно, что из деревни. Плохо спит.

— Ты што, будушь возьмешь?—спрашивает библиотечаря.

Тогда он рабучает уста.

— Я не буду читать на две недели. Некогда...

Или—да, пожалуй, махнушкой.

Комсомолка Стригунова, которая помога даче выставлял стол и книги выносить из завкома, появляется снова. Должно быть, пообсела. Понявается уже и взрослые рабочие, понимая начинают похвалить Стригунова решительно заявляя:

— Мне Бирик нужен «На черной полосе».

Жергов готовность помогает!

— Ей как нулем.

— Всем нравится, смеются; но Стригуновой не нравится, она очень начитанная девушка, много политиче берет. А старичок один (лицо молчаливо повзросло) ехивает:

— Ей какса похулиганштей.

Накрасно, девушка, на свой вкус предлагает, ахуось давай.

— А как же, известно, чему вас ушат.

Поллетает Комарова, вся яркая!

— А мы уже купались!

— Вода чистая?

— А што, разве керосином пакнет от маю?

Ну,—сразу она играет на серьезность:—Надо книжку переменить, некогда мне тут с вами.

— Что вы дашно не брант?

— Да нет времени для чтения. Эх, ничего мы не читаем, не успеваем. Отстаем от жизни!

— А тебе, Орлова? Научную хочешь?

— Нет. Чего ити читать. Уж учил, учил в школе. Да и времени нет, в комсомол и кружках.

Дайте мне Толстого «Война и мир». И все-таки, старые книги лучше много.

Энергичный паренек лет 18-ти быстро марширует к столу, уверенно он оглаживает книги и авторитно обосаждается:

— Почему мало книг комсомольских?

Он омично вторую ступень гле-то в Белорусии и расоуждает насчет классиков.

Пустин лучше Лермонтова. У него веселее, из его его всегда будет любить! А у Лермонтова—милый.

(Окончание на стр. 16)

А. Жаров
Шар Курчынине

Ненего скрывать, рабочая молодежь в своей массе еще очень слабо, мало читает литературу. Тем более стихи. Стихи понастоящему читаются только одиночками, культурно подрастающими работниками рабочей молодежи. И те—работниками. Так как в рабочей массе, и сомнению, мне все взгляд на поэзию, как на литературу несерьезную, литературу—блудство... Однако, надо отметить, что это отношение к стихам медленно, но верно разрушается.

Об этом свидетельствуют многочисленные теперь уже сведения из библиотек. Об этом свидетельствует то, что на читательских рабочих конференциях, например, в комсомольском районе в Москве, обсуждают не только беллетристику, но и стихи. Говорят не только о том, хорошо ли Глазков вывел Дашу Чухачеву, но и о литературной бодрости или унынии в поэзии и т. д.

Я лично получаю много писем с фабричных комсомольских детей по поводу лично отдалых моих стихов, например, «Послание к землеману». В этих письмах товарищи очень горячо откликались на затронутый в стихотворении вопрос, горячо хвалили и горячо ругали.

Недавно в Ленинграде в библиотеке клуба металлистов я спросил:

— Ну, как мои книжки?

— Шесть экземпляров книги «Полково» все время ходят по рукам. Спрос на стихи повышается.

Я взглянул на один из этих экземпляров, который девушка-работница принесла менять и увидел:

Книжку не только держало много рук, но на ней, повидному, много раз обеды... Таким образом, все переплет.

А мы говорим: нет интереса к поэзии!—Шутливо заметил библиотечарь.

Да, интерес к поэзии, повидному, возрастает. Любятелю поэзии всегда была молодежь. Читатели пролетарской поэзии, конечно, также в основном являются молодежь.

И не только зузумы, рабфактивы, но и спредельный слой, все более расширяющийся, молодежи, работающей у станков и молодежи крестьянской. Вот здесь я и вижу своего читателя.

Вместе с интересом к поэзии будет расти и требование к ней. И наша задача—не останавливаться на своих достижениях, а все время двигаться вперед, совершенствоваться, развиваться, углублять свое творчество, чтобы ити вперед своего читателя.

Вести его с собой. И второе, надо, чтобы наш читатель вел нас за собой в том смысле, что показывая себя, чаще покаявал свой голос, помогал нам в нашей работе своей читательской критикой, не давал бы уходить в дебри.

Я и мой читатель должны быть друзьями. Вот главное...

Поэзия—не искусство, а самый важный элемент боевой оебы. Поэзия—большое общественное оружие.

Рабочая молодежь не может ни не воспользоваться в своей работе.

Молодежь не может с ней не дружить!

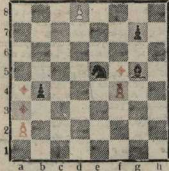

ШАХМАТЫ

УГОЛОК НАЧИНАЮЩЕГО

ХОДЫ ФИГУР

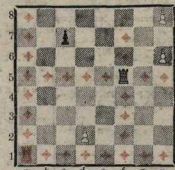
Пешка ходит только вперед, по прямой линии, и превращается на свое поле. В начале игры пешка со своего первоначального положения может передвинуться на два поля, например, белая пешка а2 передвигается на а3; но если выходящему игроющему, то он может поставить сразу ее на а4 (см. диаграмму). После первого хода она уже лишается этого права, хотя бы пешка им и не воспользовалась при первом ходе. Берет пешка всегда и в обоих (по диагонали) вперед или вправо на соседнее поле. Напр., пешка f4 (6-й) может взять коня на e5 или слона на g5, заняв поля взятой фигуры (см. диаграмму).

В случае, когда пешка со своего первоначального положения идет на два поля вперед и проходит через неприятельской пешки, то она может быть взята последней «на проходе» («en passant»), как бы при ее продвижении только на одно поле вперед, напр., бел. пешка а4 поймает на а4 черного вер. пешки b4, то черн. пешка b4 может взять пешку а4, но должна

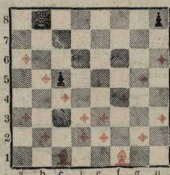
встать не на а4, а обязательно на а3. Брать пешку «на проходе» разрешается только тотчас же после ее хода. Брать «на проходе» можно только пешкой.

Когда пешка достигает последнего ряда поля противника, то она сейчас же должна превратиться в одну из фигур своего цвета, кроме короля. Пешка превращается в любую фигуру независимо от того, есть ли такие же фигуры на доске или нет. Давать ходит по прямой линии, вперед и назад, вправо и влево, параллельно крайним доске на любое количество свободных полей. Берет ладья так же, как ходит, становится на место взятой фигуры (см. диаграмму), напр., белая ладья а1 может идти на любое поле b1, c1, d1, e1, f1, g1, h1 или — а2, а3, а4, а5, а6, а7 и а8, если только они свободны от других фигур; если же, предположим, что на поле а5 или f1 стоит черная ладья или какая-нибудь другая неприятельская фигура, то она может быть взята ладью, встающей тогда на место взятой фигуры.

(Звездочками указаны поля, на которые может пойти ладья)

Слон ходит и берет в косом направлении (по диагонали). У каждого из играющих по два слона — один, стоящий на белом поле, а другой — на черном поле, очевидно, что слоны могут двигаться только по полям цвета, на котором они стоят (см. диаграмму).

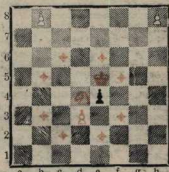
(Звездочками указаны поля, на которые могут пойти слоны)

Напр., бел. слон, стоящий на черном поле c1, может идти по черным полям d2, e3, f4, g5, h6, или b2, a3, также белый слон, стоящий на белом поле f1, может двигаться по белым полям e2, h3, или d2, d3, c4, b5, а6. Беря фигуру, слон ставится на то поле, на котором стоит битая фигура.

Ферзь — самая важная действующая фигура, она соединяет в себе ход ладьи и слона. Иско, что движение ферзя по прямой линии соответствует ходу ладьи, а по косым — слона. Берет фигуры ферзь по своему ходу, также становится на поле взятой фигуры.

Король — главная фигура в игре, ходит он на любое соседнее поле, вперед, назад, влево и вправо. Король не может быть взят и поэтому не может становиться на поле, находящееся под ударом неприятельской фигуры. О значении короля в игре будем говорить особо.

Конь движется в любом направлении, перемещаясь на поле другого цвета, сперва на одно поле по прямой, а затем с этого поля на одно поле по диагонали (см. диаграмму). Сособенность хода коня заключается в том, что фигуры, стоящие на его пути, ему не мешают, а он перепрыгивает через них (см. диаграмму).

(Звездочками указаны поля, на которые может пойти конь с поля, на котором он стоит)

В остальном конь подчиняется общим правилам о ходах фигур, т. е. он не может пойти на поле, занятое другой фигурой, берет неприятельские фигуры по своему ходу, становится на место взятой фигуры.

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл. 6

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ СЕРИЯ

СЕРИЯ „НАУКА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Под общей редакцией В. ФРИДМАН

- Баев, К. — Отчего сменяются времена года. 64 стр. Ц. 45 к.
- Гурии, Г. проф. — Домашние животные и борьба с их болезнями. 80 стр. Ц. 55 к.
- Его же. — Домашние животные и жизнь птиц. 86 стр. Ц. 60 к.
- Жарков, С. — Народные и научные приметы о погоде. 88 стр. Ц. 60 к.
- Желиговский, О. — Растения и животные, как поставщики сырья для промышленности. 91 стр. Ц. 65 к.
- Красинский, Д. — Тропические, многополье и питание растений. 72 стр. Ц. 50 к.
- Красиков, Ф. — Вода и ее значение в сельском хозяйстве. 72 стр. Ц. 50 к.
- Его же. — Удобрение полей и круговорот вещества на земле. 53 стр. Ц. 40 к.
- Кулман, Э. — Что даст промышленность деревне. 96 стр. Ц. 65 к.
- Его же. — Авиаким и сельское хозяйство. 88 стр. Ц. 60 к.
- Лебедев, Л. — Как земля стала пригодной для земледелия. 79 стр. Ц. 55 к.
- Его же. — Как питаются животные. 77 стр. Ц. 55 к.
- Миндер, В. — Борьба с вредителями и паразитами в природе. 89 стр. Ц. 65 к.
- Его же. — Улучшение пород растений и работа И. Мичурина. 56 стр. Ц. 40 к.
- Мантейфель, П. — Наши лесные животные и охота за ними. 88 стр. Ц. 60 к.
- Мастергази, М. — Происхождение домашних животных и культурных растений. Основы дарвинизма. 86 стр. Ц. 60 к.
- Талиев, В. проф. — Природа СССР и сельское хозяйство. 71 стр. Ц. 50 к.

Все книги из серии с рисунками. Стоимость всех 17 книг серии — 9 р. 35 к.